

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 3 (73)
2023

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издаётся с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media registration FIV No ФЦ77-69774 of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- А. Ю. Глушаков, А. И. Соболевская
Модельное нормотворчество в Российской Федерации
как фактор гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС 6

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Е. А. Нахова, Д. В. Волков, А. М. Игитов
Отдельные проблемы внедрения искусственного интеллекта
в гражданское судопроизводство 19
- В. К. Дмитриев, Е. П. Бородина
Конституционные права сторон упрощенного производства
в арбитражном суде и принцип равенства перед законом и судом 31

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- А. Н. Метельков
Правовое регулирование противодействия терроризму:
пересечение направлений в минимизации последствий 45
- Р. А. Ромашов
Понимание преступления, преступности, наказания в контексте
циклического политогенеза Российского государства 61
- В. Г. Павлов, Г. Ю. Сокольский
Субъективные признаки незаконного оборота
сильнодействующих веществ, применяемых в спорте 78
- М. Ю. Павлик, О. А. Чабукиани, О. Р. Шепелёва
Общие условия формирования доказательств в ходе
предварительного расследования и в суде: понятие, тенденции 93
- В. Г. Павлов, М. Ю. Павлик, Р. А. Ромашов
Коррупция и преступность 108

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Alexey Yu. Glushakov, Alexandra I. Sobolevskaya
Model Rulemaking in the Russian Federation as a Factor of Harmonization
of the Laws of the BRICS Member Countries 6

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

- Elena A. Nakhova, Dmitriy V. Volkov, Alexander M. Igitov
Some Problems of the Introduction of Artificial Intelligence
in Civil Proceedings 19
- Vladimir K. Dmitriev, Ekaterina P. Borodina
Constitutional Rights of Parties of a Simplified Procedure
in the Arbitration Court and Principle of Equality Under the Law and Court 31

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Alexander N. Metelkov
Legal Regulation of Counter-terrorism:
the Intersection of Directions in Minimizing the Consequences 45
- Roman A. Romashov
Understanding Crime, Criminality, Punishment in the Context
of the Cyclical Politogenesis of the Russian State 61
- Vladimir G. Pavlov, George Yu. Sokolsky
Subjective Signs of Illegal Trafficking
of Potent Substances Used in Sports 78
- Michail Yu. Pavlik, Oksana A. Chabukiani, Olga R. Shepeleva
General Conditions for the Formation of Evidence
During the Preliminary Investigation and in Court: Concept, Trends 93
- Vladimir G. Pavlov, Michail Yu. Pavlik, Roman A. Romashov
Corruption and Crime 108

Модельное нормотворчество в Российской Федерации как фактор гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС

А. Ю. Глушаков¹, А. И. Соболевская²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Высшая школа технологий и энергетики СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье, исходя из особенностей государственного устройства и правовых систем стран – участниц БРИКС, рассматриваются вопросы, связанные с гармонизацией и унификацией законодательства, и роль модельного нормотворчества в этом процессе. Рассмотрены виды модельных правовых актов и их особенности. На основе анализа приоритетных направлений деятельности БРИКС и действующего законодательства стран-участниц обоснованы предложения по разработке модельных правовых актов в сфере внешней торговли, кибербезопасности, энергетической безопасности и экологии.

Ключевые слова: модельное нормотворчество, стратегия, гармонизация законодательства, унификация законодательства, модельный закон, модельный акт, БРИКС.

Для цитирования: Глушаков А. Ю., Соболевская А. И. Модельное нормотворчество в Российской Федерации как фактор гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 6–18. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_6. EDN: VПITBY

Original article
UDC 341:34.07
EDN: VTITBY
DOI: 10.35231/18136230_2023_3_6

Model Rulemaking in the Russian Federation as a Factor of Harmonization of the Laws of the BRICS Member Countries

Alexey Yu. Glushakov¹, Alexandra I. Sobolevskaya²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation

² Higher School of Technology and Energy SPSUITD, Saint Petersburg, Russian Federation

Based on the peculiarities of the state structure and legal systems of the BRICS member countries, the article discusses issues related to the harmonization and unification of legislation and the role of model rulemaking in this process. The types of model legal acts and their features are considered. Based on the analysis of the priority areas of BRICS activities and the current legislation of the participating countries, proposals for the development of model legal acts in the field of foreign trade, cybersecurity, energy security and ecology are substantiated.

Key words: model rulemaking, strategy, harmonization of legislation, unification of legislation, model law, model act, BRICS.

For citation: Glushakov, A. Yu., Sobolevskaya, A. I. (2023). Model'noe normotvorchestvo v Rossijskoj Federacii kak faktor garmonizacii zakonodatel'stv stran – uchastnic BRIKS [Model Rulemaking in the Russian Federation as a Factor of Harmonization of the Laws of the BRICS Member Countries]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 6–18. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_6. EDN: VTITBY

Введение

Вопросы, связанные с развитием модельного нормотворчества, являются важными как для национального законодательства, так и для международного права. Российская Федерация, имеющая опыт разработки модельного нормотворчества для стран СНГ, вправе использовать этот опыт для гармонизации и унификации развития законодательства стран – участниц БРИКС. Исследование возможности применения модельного нормотворчества в Российской Федерации для гармонизации законодательства стран – участниц БРИКС актуально и значимо в современных условиях, исходя из того, что БРИКС был создан по инициативе России в 2006 г. и его создание стало одним из «наиболее значимых геополитических событий» начала XXI в. [1, с. 3].

БРИКС включает в свой состав пять государств: Российскую Федерацию, Китайскую Народную Республику, Республику Бразилия, Республику Индия и Южно-Африканскую Республику. Эти страны, расположенные на трех континентах, сегодня оказывают значительное влияние как на развитие мировой политики и мировой экономики, поэтому гармонизация и унификация законодательства этих стран – веление времени.

Особенности законодательств стран – участниц БРИКС

Вместе с тем следует отметить, что законодательство стран – участниц БРИКС обладает своими отличительными особенностями, так как они относятся к разным правовым системам, но у них есть и общие черты, например, в каждой стране верховным законом является конституция. Особенности государственного устройства также оказывают свое влияние на правовую систему страны. Так, три страны (Россия, Индия и Бразилия) имеют федератив-

ное устройство, а две страны (Китай и ЮАР) являются унитарными государствами. Кодификация законодательства в разной степени осуществлена в Российской Федерации, Бразилии и Индии, в малой степени – в КНР и отсутствует в ЮАР. Отдельным вопросом, говоря об особенностях законодательства, является признание судебного прецедента в качестве нормы права, как например, в Индии, а также характерное для всех этих стран применение обычая в праве. Бразилия, Россия, Китай и отчасти ЮАР развиваются в русле континентальной системы права, Индия и отчасти ЮАР относятся к странам общего права [3, с. 279].

Модельное нормотворчество стран БРИКС как фактор устойчивого развития объединения

Правовое регулирование взаимоотношений стран БРИКС осуществляется нормами международного права. По мнению ряда исследователей, в связи с тем, что в вопросах правового регулирования внутреннего законодательства в странах – участницах БРИКС достаточно много различий, осуществление правового регулирования экономической и финансовой сферы вряд ли является целесообразным. По мнению Г. Н. Андреевой, «вопрос о гармонизации правового регулирования стран БРИКС на повестке дня в настоящее время не стоит» [2].

Определение баланса в сочетании международных правовых норм и норм национального права становится важнейшим условием в правовом регулировании деятельности международных объединений государств, так как имеющиеся различия в законодательстве становятся препятствием для их более тесного сотрудничества.

Вместе с тем процессы глобализации, активно протекающие в мире, и вызовы современного мирового развития, усиление процессов интеграции в рамках БРИКС диктуют необходимость гармонизации зако-

нотательства во внешнеэкономической и внешнеторговой деятельности, в сфере инвестиций, экологии, улучшения условий для электронной торговли, а следовательно, модельного нормотворчества. По мнению Ю. С. Безбородова, модельное нормотворчество является одним из «специальных способов унификации законодательства» [5, с. 91]. Ю. С. Кашкин под гармонизацией законодательства понимает «введение общих правил правового регулирования при сохранении за государствами простора для собственного правового регулирования» [6, с. 102].

Модельное нормотворчество, с одной стороны, направлено на гармонизацию правовых норм государств – участников БРИКС, а с другой – на унификацию законодательства. С помощью модельного правового акта можно унифицировать нормы как международного, так и национального права. В качестве примера международной модельной нормы можно привести отдельные положения ст. 3 Европейской конвенции о приграничном сотрудничестве 1980 г., ратифицированной в РФ¹. Согласно этой статье участники, подписавшие и ратифицировавшие данную конвенцию, могут заключать договоры, базирующиеся на моделях, прилагаемых к конвенции: типовое межгосударственное соглашение, типовое соглашение, рамочное соглашение, рамочный контракт².

Понятие «модельный закон» не закреплено в российском законодательстве. В законодательстве СНГ есть определение «типового модельного законодательного акта», разрабатываемого международной организаци-

¹ О ратификации Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей: федер. закон от 22.07.2002 № 91-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

² Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/1680078b2a> (дата обращения 24.07.2022)

ей¹, и определение «рекомендательного законодательного акта». Отличие между ними заключается в том, что первый является моделью в правовом регулировании конкретной сферы общественных отношений национального законодательства, а второй служит ориентацией в законотворческой деятельности государств – участниц международного объединения.

Главная задача модельных актов заключается в установлении «общих или согласованных принципов регулирования» [9, с. 172]. Модельные акты можно разделить на следующие виды:

- регулирующие отдельные сферы общественных отношений;
- содержащие как нормы права, так и вариативные положения;
- направленные как конкретному адресату, так и множественному числу лиц;
- возможность использования которых связана с учетом исторических, экономических и правовых традиций страны или региона.

Модельный акт обязательно включает типовые и вариативные нормы. Вариативные нормы, включенные в модельный правовой акт, предполагают самостоятельность его наполнения. По мнению Ю. С. Безбородова, природа модельных актов настолько разнообразна, что они могут быть явлением как «жесткого права», т. е. быть закрепленными в международных договорах, так и нормами «мягкого права»². Такие нормы закрепляются в типовых соглашениях, рекомендациях и т. д.

¹ Модельный (типовой) законодательный акт: энциклопедический справочник Совета Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9553/> (дата обращения 25.07.2022).

² Безбородов Ю. С. Международные модельные нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс]. URL: <https://lawtheses.com/mezhdunarodnye-modelnye-normy> (дата обращения 25.07.2023).

Роль Российской Федерации в гармонизации законодательств стран – участниц БРИКС

В марте 2013 г. президент России В. В. Путин утвердил «Концепцию участия Российской Федерации в объединении БРИКС». Этой концепцией предусмотрено взаимодействие в сфере международного сотрудничества и международной безопасности, в том числе информационной безопасности, сотрудничество в валютно-финансовой и торгово-экономической сфере, в промышленности и энергетике, в области науки, техники и инноваций, сельского хозяйства, в сфере культуры, образования и спорта¹.

В 2015 г. было заключено соглашение между правительствами государств – членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры.

По итогам проведенных саммитов стран – участниц БРИКС принимаются декларации и рекомендации, могут быть приняты совместные заявления и меморандумы. Такой документ, как декларация, также может быть принят по итогам встречи министров стран – участниц БРИКС.

На саммитах БРИКС регулярно обсуждаются вопросы сотрудничества в области внешнеэкономической деятельности. Особенностью БРИКС является регулирование отношений как на уровне государств-участниц, так и предпринимательских сообществ. Практика существующих международных отношений показала необходимость разработки модельных актов для осуществления их правового регулирования. Исследователи отмечают, что «типовые договоры, модельные договоренности нередко фигурируют в системе БРИКС»².

¹ Концепция участия РФ в объединении БРИКС (утверждена Президентом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

² Кофейников Д. В. Правовое регулирование внешней торговли государств-участников БРИКС: основные тенденции [Электронный ресурс]. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/90284-pravovoe-regulirovanie-vneshnej-torgovii-gosudarstv-uchastnikov-briks> (дата обращения 25.07.2022).

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. определила три основных измерения в рамках деятельности БРИКС: экономическое, социальное и экологическое. Также определены приоритетные направления, первыми из которых являются торговля, инвестиции и финансы.

В рамках развития внешней торговли важным является вопрос о мерах антимонопольного сдерживания государств – участниц БРИКС. Согласно исследованию, проведенному К. А. Писенко, необходима разработка модельного акта стран – участниц БРИКС, связанная с антимонопольным регулированием. Предложение по гармонизации антимонопольного законодательства стран – участниц БРИКС связано с существованием различных норм в национальном праве этих государств. Законодательство Российской Федерации включает как количественные, так и качественные показатели антимонопольного регулирования, аналогичные показатели есть в законодательстве по данному вопросу и в ЮАР. В законодательство Бразилии и Китая включены только количественные критерии антимонопольного регулирования, а в Индии – только качественные [10], основанные на судебном прецеденте как источнике права.

Второе приоритетное направление – цифровая экономика, включающая в себя цифровую трансформацию, промышленность, инновации и технологии¹. В настоящее время перед странами – участниками БРИКС стоит задача создания общего информационного пространства, включающего в себя обмен информацией, осуществление координации мер в сфере противодействия киберпреступности, совместное реагирование на инциденты в сфере компьютерной безопасности.

¹ Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-colog.ru/docs/3z9SVQIvoYcKzzT13ebzF> (дата обращения 24.07.2022).

Следовательно, представляется важной и значимой разработка «модельного правового акта в сфере кибербезопасности» [9]. Весной 2023 г. Российской Федерацией был подготовлен проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности и внесен на рассмотрение ООН¹, такая конвенция могла бы стать модельной конвенцией для БРИКС.

Третье направление – устойчивое развитие – связано с вопросами изменения климата, энергетикой, развитием инфраструктуры и человеческого капитала, продовольственной безопасностью². По мнению М. О. Рязановой, для каждого государства уровень его безопасности является «гарантом стабильности и защищённости перед внешними факторами» [11, с. 109]. В рамках реализации этого направления можно предложить принятие модельного Соглашения об энергетической безопасности.

В контексте развития экологического законодательства стран – участниц БРИКС предлагается разработка модельного акта в сфере экологии. В Индии право на благоприятную окружающую среду закреплено только в конституции страны. В других странах БРИКС положения, закрепленные в конституции, получили развитие в законах страны: в Бразилии «О национальной экологической политике» (1981), в Российской Федерации в Федеральном законе № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (2002), в Китае «Об охране окружающей среды» (1989), закон с аналогичным наименованием в 1998 г. был принят в ЮАР [7; с. 227–228].

Россия могла бы стать разработчиком модельного акта, направленного на гармонизацию и унификацию законодательства стран – участниц БРИКС. Полагаем,

¹ О концепции конвенции ООН по международной информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL.: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1870609/ (дата обращения 25.07.2022).

² Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г.

что в этом модельном акте следует учесть положительный опыт этих стран в сфере экологии и охраны окружающей среды, а также мониторинга за экологическим состоянием природы страны, вопросы экологического просвещения населения, ответственности за нарушение законов в сфере охраны окружающей среды, координацию деятельности стран – участниц БРИКС по охране окружающей среды и дальнейшего развития экологической безопасности этих стран.

Осуществляемое в рамках БРИКС взаимодействие стран-участниц ставит новые вопросы перед юридической наукой, которая должна своевременно реагировать на вызовы современности и открывает новые перспективы для сотрудничества, что, по мнению Т. Я. Хабриевой, «находит отражение в международных документах, принимаемых под эгидой БРИКС» [12, с. 21].

Следует согласиться с мнением Н. М. Бевеликовой, что в настоящее время «в БРИКС доминируют центростремительные тенденции» [4, с. 122], подчеркивающие общность интересов стран-участниц.

Заключение

В процессе проведенного исследования обоснована необходимость единого подхода к разработке модельных нормативных актов для стран – участниц БРИКС и формированию правовых норм с учетом имеющегося опыта этих стран в развитии права. Разработанный модельный акт не должен вступать в противоречие с международными правовыми актами и быть согласованным с национальным законодательством. Единообразии применяемых формулировок в модельном правовом акте должно стать ориентиром в дальнейшей законотворческой деятельности стран – участниц БРИКС.

Страны БРИКС в условиях современных глобальных вызовов стали геополитическим объединением, осуществляющим свою деятельность на основных принципах международного права и стремящимся к продуктивному диалогу, а также имеющим большие перспективы в своем дальнейшем развитии.

Список литературы

1. Авдеев Д. А., Байматов П. Н. Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС: моногр. Кн. 3. // БРИКС: право, экономика, политика / Д. А. Авдеев, П. Н. Байматов, Т. Брайер, Е. Ф. Гладун и др. – Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2019. – 289 с.
2. Андреева Г. Н. Проблема гармонизации правового регулирования экономических отношений в странах БРИКС и их сотрудничество с ОЭСР // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: труды I Международной научно-практической конференции / ИНИОН РАН. Отдел науч. сотрудничества. – М., 2016. – С. 473–479.
3. Бадаева Н. В. Перспективы гармонизации законодательства в области вещных прав в странах БРИКС (на примере Бразилии и Китая) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 2. – С. 278–295.
4. Бевеликова Н. М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. – 2015. – № 8. – С. 110–123.
5. Безбородов Ю. С. Модельное нормотворчество и правовая унификация: соотношение правовых категорий // Российский юридический журнал. – 2003. – № 2 (38). – С. 91–95.
6. Кашкин С. Ю., Калининченко П. А. Гармонизация законодательства России и Европейского Союза как ключевой момент их эффективного взаимодействия в XXI веке // Право и государство. Теория и практика. – 2005. – № 12. – С. 100–130.
7. Каюшников Ю. Е. Сравнительно-правовой анализ особенностей национального законодательства в сфере охраны окружающей среды в странах БРИКС // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – № 2 (15). – С. 220–231.
8. Киберпространство БРИКС: правовое измерение: сборник. – М., 2017. – 336 с.
9. Козловская О. В., Акерман Е. Н., Елисеев Ю. А., Бурец Ю. С. Модельное нормотворчество в межрегиональном контексте; первый опыт в рамках ассоциации инновационных регионов России // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 386. – С. 172–182.
10. Писенко К. А. О перспективах гармонизации и интеграции антимонопольного регулирования в странах БРИКС на примере исследования подходов к определению условий доминирования хозяйствующих субъектов на рынке // Актуализация процессов взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике и праве: сборник материалов научного симпозиума. – М., 2012. – С. 169–177.
11. Рязанова М. О. Энергетическое взаимодействие в рамках БРИКС // Вестник МГИМО. – 2014. – № 6. – С. 108–116.
12. Хабриева Т. Я. Введение // Киберпространство БРИКС: правовое измерение: сборник. – М., 2017. – 336 с.

References

1. Avdeev, D. A., Baymatov, P. N. (2019) *Uchastie obshchestvennosti v upravlenii gosudarstvom v stranah BRIKS. BRIKS: pravo, ekonomika, politika* [Public participation in state governance in the BRICS countries. brix: law, economics, politics]. Book 3. Monograph. Tyumen. (In Russian).
2. Andreeva, G. N. (2016) Problema garmonizacii pravovogo regulirovaniya ekonomicheskix otnoshenij v stranax BRIKS i ix sotrudnichestvo s OE`RS [The problem of harmonization of legal regulation of economic relations in the BRICS countries and their cooperation with the OERS]. *Strany BRIKS: strategii razvitiya i mekhanizmy vzaimodeistviya i sotrudnichestva v izmenyayushchemsya mire* [BRICS countries: development strategies and mechanisms of interaction and cooperation in a changing world]. Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference. Moscow Pp. 473–479. (In Russian).
3. Badaeva, N. V. (2017) Perspektivy` garmonizacii zakonodatel`stva v oblasti veshny`x prav v stranax BRIKS (na primere Braziii i Kitaya) [Prospects of harmonization of legislation in the field of property rights in the BRICS countries (on the example of Brazil and China)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*. Vol. 21. No. 2. Pp. 278–295. (In Russian).
4. Bevelikova, N. M. (2015) BRIKS: pravovy`e osobennosti razvitiya [BRICS: legal features of development]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law*. No. 8. Pp. 110–123. (In Russian).
5. Bezborodov, Yu. S. (2003) Model`noe normotvorchestvo i pravovaya unifikaciya: sootnoshenie pravovy`x kategorij [Model rulemaking and legal unification: correlation of legal categories]. *Rossijskij yuridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. No. 2 (38). Pp. 91–95. (In Russian).
6. Kashkin, S. Yu., Kalinichenko, P. A. (2005) Garmonizaciya zakonodatel`stva Rossii i Evropejskogo Soyuzakak klyuchevoj momentix e`ffektivnogo vzaimodejstviya v XXI veke [Harmonization of the legislation of Russia and the European Union as a key moment of their effective interaction in the XXI century]. *Pravo i gosudarstvo. Teoriya i praktika – Law and the State. Theory and practice*. No. 12. Pp. 100–130. (In Russian).
7. Kayushnikova, Yu. E. (2016) Sravnitel`no-pravovoj analiz osobennostej nacional`nogo zakonodatel`stva v sfere oxrany`okruzhayushhej sredy`v stranax BRIKS [Comparative legal analysis of the peculiarities of national legislation in the field of environmental protection in the BRICS countries]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa – Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. No. 2 (15). Pp. 220–231. (In Russian).
8. *Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie. Sbornik* (2017) [BRICS Cyberspace: legal dimension. Digest]. Moscow. (In Russian).
9. Kozlovskaya, O. V., Akerman, E. N., Eliseev, Yu. A., Burecz, Yu. S. (2014) Model`noe normotvorchestvo v mezhregional`nom kontekste; pervy`j opyt v ramkax asociacii innovacionny`x regionov Rossii [Model rulemaking in an interregional context; the first experience within the Association of Innovative regions of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. No. 386. Pp. 172–182. (In Russian).
10. Pisenko, K. A. (2012) O perspektivax garmonizacii i integracii antimonopol`nogo regulirovaniya v stranax BRIKS na primere issledovaniya podxodov k opredeleniyu uslovij dominirovaniya xozyajstvuyushhix sub``ektov na ry`nke [On the prospects of harmonization and integration of antimonopoly regulation in the BRICS countries by the example of a study of approaches to determining the conditions of dominance of economic entities in the market]. *Aktualizaciya processov vzaimodejstviya stran BRIKS v e`konomike, politike i prave* [Updating the processes of interaction between the BRICS countries in economics, politics and law. Collection of materials of the

scientific symposium]. Proceedings of the scientific symposium. Moscow. Pp. 169–177. (In Russian).

11. Ryazanova, M. O. (2014) E`nergeticheskoe vzaimodejstvie v ramkax BRIKS [Energy interaction within the framework of BRICS]. *Vestnik MGIMO – MGIMO Bulletin*. No. 6. Pp. 108–116. (In Russian).

12. Xabrieva, T. Ya. (2017) *Vvedenie. Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie. Sbornik* [Introduction. BRICS Cyberspace: legal dimension. Digest]. Moscow. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Глушаков Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0003–0957–1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Соболевская Александра Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, Высшая школа технологии и энергетики СПбГУПТД, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0001–5856–6822, e-mail: gripe80@mail.ru

About the authors

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0003–0957–1953, e-mail: complexal@yandex.ru

Alexandra I. Sobolevskaya, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Higher School of Technology and Energy SPSUITD, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0001–5856–6822, e-mail: gripe80@mail.ru

Поступила в редакцию: 22.08.2023
Принята к публикации: 30.08.2023
Опубликована: 30.09.2023

Received: 22 August 2023
Accepted: 30 August 2023
Published: 30 September 2023

Отдельные проблемы внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство

Е. А. Нахова¹, Д. В. Волков², А. М. Игитов²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы философско-онтологического характера, связанные с возможностью или невозможностью интеграции искусственного интеллекта в правовую среду. Исследуется проблематика оптимизации гражданского процессуального законодательства о доказывании и доказательствах в связи со становлением электронной процессуальной формы. В связи с изложенным нуждается в закреплении электронная процессуальная форма и цифровые процессуальные права в процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронная процессуальная форма, цивилистическое процессуальное законодательство, доказывание, оптимизация судопроизводства.

Для цитирования: Нахова Е. А., Волков Д. В., Игитов А. М. Отдельные проблемы внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 19–30. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_19. EDN: UQJQTV

Some Problems of the Introduction of Artificial Intelligence in Civil Proceedings

Elena A. Nakhova¹, Dmitriy V. Volkov², Alexander M. Igitov²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with philosophical and ontological issues related to the possibility or impossibility of integrating artificial intelligence into the legal environment. The problems of optimization of civil procedural legislation on evidence and evidence in connection with the formation of an electronic procedural form are investigated. The electronic procedural form and digital procedural rights need to be consolidated in procedural legislation.

Key words: artificial intelligence, electronic procedural form, civil procedural legislation, proof, optimization of legal proceedings.

For citation: Nakhova, E. A., Volkov, D. V., Igitov, A. M. (2023). Otdel'nye problemy vnedreniya iskusstvennogo intellekta v grazhdanskoe sudoproizvodstvo [Some Problems of the Introduction of Artificial Intelligence in Civil Proceedings]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 19–30. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_19. EDN: UQJQTV

Введение

Внедрение в гражданское судопроизводство искусственного интеллекта, способствующего повышению эффективности правосудия по гражданским делам, сохраняет свою непреложную актуальность. Одной из задач дальнейшего развития судебной системы является повышение качества, оперативности и эффективности правосудия, дальнейшее совершенствование судопроизводства. Особое место занимает внедрение и развитие элементов электронного правосудия. «В условиях технического прогресса речь идет не только об интеграции в судебную деятельность электронных баз данных и сервисов подачи обращений в суд, которые уже успешно используются в судах. В настоящее время встает вопрос об использовании систем искусственного интеллекта, принимающего на себя обширную часть аналитической работы судьи. Не отрицая использования его отдельных элементов в судопроизводстве и дальнейшего развития в этой части процессуального законодательства, авторы исходят из невозможности полной замены судьи искусственным интеллектом. Ряд оценочных категорий, таких как справедливость, соразмерность и др., не могут быть доверены компьютерному алгоритму»¹. В доктрине также не остается без внимания данная проблематика. Как в теории права, так и в цивилистике проблемы искусственного интеллекта исследуются в аспекте изучения его правоспособности². Указанные работы послужили отправной точкой настоящего исследования, касающегося проблематики внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство.

¹ О развитии судебной системы Российской Федерации: постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 // СПС «ГАРАНТ».

² Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.; Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Философско-онтологические аспекты интеграции искусственного интеллекта в правовую среду

Понятие «искусственный интеллект» является антонимом термина «естественный интеллект», который присущ человеку. Так, интеллект – «это общая познавательная способность, которая проявляется в том, как человек воспринимает, понимает, объясняет и прогнозирует происходящее, какие решения он принимает и насколько эффективно он действует (прежде всего в новых, сложных или необычных ситуациях)» [6, с. 427]. Таким образом, главными функциональными критериями качественного и количественного оценивания интеллекта можно считать способности к восприятию, пониманию, объяснению, прогнозированию, решительность, субъективное оценивание эффективности принимаемых решений и адаптивность к новым обстоятельствам. Так или иначе, все эти понятия можно обобщить в одну общую группу – когнитивные способности / функции человека [1, с. 30]. Для понимания дальнейшего раскрытия проблематики интеграции искусственного интеллекта в гражданский процесс Российской Федерации следует обратиться к двум магистральным подходам, к которым прибегают авторы-разработчики современного искусственного интеллекта [7, с. 12].

Первый или нисходящий подход «Top-Down AI» предполагает разработку на уровне человеческого интеллекта некоторой обобщенной сверхзадачи, исходя из которой разрабатывается искусственный интеллект. В данном подходе главенствующее положение занимают законы формальной, математической логики, которые по своей сути отрицают возможность влияния на решение проблемы субъективных и спорных (неоднозначных) фактов. Такой подход более близок по духу

к юриспруденции и большинству юридических конструкций («если», «то», «иначе» и пр.).

Другой подход: «Bottom-Up AI», или восходящий, был разработан значительно позднее и позиционировался научным сообществом как способ избежать комбинаторного взрыва (прибегают к эвристическим алгоритмам в работе систем). Подход предполагает стремление к максимально точному моделированию деятельности нейронных систем (головного мозга, нервной системы и пр.).

Общеизвестно, что исследователям и разработчикам искусственного интеллекта невозможно определить момент перехода автономной системы от периода обучения к стадии самостоятельного существования (в частности, когда нейросеть заканчивает алгоритм подбора необходимой информации из big data и начинает продуцировать собственные решения). При такой постановке вопроса возникает опасность, что искусственный интеллект, как и любая другая саморазвивающаяся система, превысит границы допустимости и начнет выстраивать свою модель «поведения» в соответствии с той системой ценностей, в которой эта система находится (очень может быть, что человек из этой системы ценностей дезинтегрирован). Большое значение имеет вопрос «дистанции прогресса». Не исключено возникновение такой ситуации, при которой развитие искусственного интеллекта во всем мире может утратить темпы развития, что уже бывало не единожды по ходу движения истории. В таком случае времени, потраченного на разработку систем искусственного интеллекта, может быть несоразмерно больше, чем тех благ, которые приносят в жизнь людей адаптированные для определенных целей системы искусственного интеллекта. Такие опасения справедливо вызывают отток инвестиций из областей исследования этих технологий, что ещё больше тормозит их развитие. Искусственный

интеллект – очень сложная и тонкая технология, которая воспринимает данные не в том виде, в котором человек привык их видеть (в адаптированном, дешифрованном), а в своей собственной языковой системе.

В связи с этим возникает очередная проблема – «языковой барьер», т. е. ситуация, при которой определенный объем данных человек воспринимает одним образом, а искусственный интеллект при дешифрации этих данных понимает их иначе либо вообще не способен их воспринимать из-за разности языков. На данный момент не существует языка такой степени абстракции и универсальности, который бы смог перевести некоторые категории и понятия, которыми мыслит и живет человек, в плоскость понимания таковых машинными системами. Сложность и тонкость всех межличностных человеческих отношений может оказаться под обоснованной угрозой недопонимания со стороны искусственного интеллекта, что приведет к микроколлапсу отношений между обществом и искусственным интеллектом.

Проблемы осуществления правосудия искусственным интеллектом

Проблемы этического характера преследуют любую форму инноваций, независимо от сферы её внедрения. Самым главным и спорным видится вопрос отправления правосудия машиной, что прямо противоречит негласной международной правовой концепции «justice can be only human-made». С древнейших времен люди задавались вопросом, сформулированным А. Грибоедовым: «А судьи кто?» В контексте интеграции искусственного интеллекта в судопроизводство такая проблематика приобретает более яркий окрас – допустимо ли осуществление правосудия в отношении людей искусственным интеллектом? Будет ли являться такой процесс социально

справедливым? Решение этой проблемы авторы видят в формировании лояльного отношения к искусственному интеллекту со стороны массового общественного сознания. Для достижения эффективных результатов такого метода решения проблемы необходимо следующее: продемонстрировать лояльность искусственного интеллекта по отношению к людям, показывать результаты работы искусственного интеллекта в разных сферах жизни, доказать общественности эффективность и ресурсоемкость использования искусственного интеллекта. Вопросы системы координат и системы ценностей, в которых находится искусственный интеллект, поднимаются сообществом разработчиков чрезвычайно часто.

Наиболее распространенной в современных реалиях остается система формальной логики, доминирующей в области программирования. Однако при таком подходе многие очевидные человеку вещи и решения подвергаются сомнению со стороны логических законов. Модальная логика, вводящая дополнительные переменные в процедуру расчета, призвана устранить подобные противоречия, однако даже в такой логической системе отсутствуют параметры, отвечающие за нравственную оценку событий. Более того, сама по себе система модальной логики видится крайне трудноинтегрируемой в систему работы искусственного интеллекта, что создает дополнительные вызовы для разработчиков и увеличивает «дистанцию прогресса».

Проблематика внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство

Говоря о проблематике внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство, необходимо отметить, что информационные технологии и технологии искусственного интеллекта, в настоящее время получили

активное развитие. Принят ряд нормативных актов как международного, так и национального уровня, регулирующих информационные технологии и искусственный интеллект. Постепенно в гражданском судопроизводстве складывается электронная процессуальная форма как подвид гражданской процессуальной формы [5, с. 148].

Многоаспектным характером обладает проблематика искусственного интеллекта. Этические проблемы отличаются первостепенностью. Искусственный интеллект подразделяется в специальной литературе на сильный и слабый¹. Машинное обучение, программы для решения конкретных задач называются слабым искусственным интеллектом. К сильному искусственному интеллекту относится гипотетическая машина, которая способна не только мыслить и осознавать себя, но и учиться новому, решать узкоспециализированные задачи. Изначально любая система должна соответствовать этическим целям. Этические нормы дифференцируются в зависимости от разности государств, они стабильны и трудноформируемы. Этические нормы зависят от политического климата. Искусственный интеллект способен влиять на принимаемые решения. Существует опасность взлома слабого искусственного интеллекта. При внедрении искусственного интеллекта назревает ряд проблем, таких как соблюдение баланса между интересами общества и негативными последствиями использования искусственного интеллекта, отсутствие полной информации о нем, неразработанность нормативной основы его внедрения. Технологии искусственного интеллекта развиваются более быстрыми технологиями, чем нормативная основа его регулирования.

¹ Маланов А. Этические вопросы искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/company/kaspersky/blog/421791/> (дата обращения: 13.08.2023).

Основные дискуссии по исследуемой проблематике ведутся главным образом только в науке¹. В доктрине также остается дискуссионным вопрос о правоспособности роботов, которая отдельными специалистами не признается [2, с. 34]. При этом другие ученые отмечают степень автономности роботов [3], некоторые специалисты отмечают, что роботы в зависимости от возможностей и функционально-целевого назначения могут быть субъектами и объектами права². Думается, справедливо утверждается в научной литературе, что особенности правового регулирования искусственного интеллекта зависят от целей правового регулирования³. Ограничение рисков для здоровья и безопасности населения, а также борьба с этически проблемными действиями, такими как генные манипуляции; конкретная сфера, в которой применяется искусственный интеллект, выделяются в качестве таких целей [4, с. 64].

Формализм гражданского процесса и дискуссионность форм использования искусственного интеллекта в нем также являются препятствием интеграции искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство. Вокруг проблемы возможности отправления правосудия роботом-судьей ведется основная дискуссия в цивилистическом процессуальном праве. В настоящее время отсутствует «сильный» искусственный интеллект. У искусственного интеллекта не имеется свободной правовой воли и правоспособности. В связи с изложенным осуществление правосудия роботом-судьей в настоящее время невозможно. Использование технологий искусственного интеллекта возможно в виде применения вспомогательных технологий. Принципы, установленные международным и национальным зако-

¹ Пономарева Е. В. Указ. соч. С. 86–106.

² Морхат П. М. Указ. соч. С. 31.

³ Там же. С. 32.

нодательством, должны определять основу использования вспомогательных электронных технологий в гражданском судопроизводстве (технологий блокчейн и искусственного интеллекта). Например, отдельные подготовительные действия суда (обобщение судебной практики, анализ действующего законодательства, определение юридически значимых обстоятельств и т. д.) могут осуществляться при помощи технологий блокчейн и искусственного интеллекта.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, представляется необходимым возможность интеграции технологии искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство только в форме вспомогательной цифровой технологии в рамках развития электронного правосудия. Указанные доводы обоснованы отсутствием в настоящее время «сильного искусственного интеллекта», который способен к самообучению. Кроме того, законодательно не решен вопрос правоспособности искусственного интеллекта. Если даже будет представлена в российской правовой действительности возможность отправления правосудия роботом-судьей, то решение вопросов правоспособности имеет первостепенное значение. Проблематика интеграции искусственного интеллекта носит многоаспектный характер и для ее решения нуждается в привлечении специалистов из различных областей знаний. В то же время технический прогресс не стоит на месте, и для достижения целей судебной реформы в части эффективности и оперативности правосудия видится необходимой интеграция искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство.

Список литературы

1. Бондарчук В. В., Иванова С. Б., Кравченко Н. М., Ключанова Т. Д. Усовершенствование психофизиодиагностических исследований в системах искусственного интеллекта // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2021. № 7–8. – С. 29–33.
2. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – № 4. – С. 24–48.
3. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // *Корпоративный юрист*. – 2017. – № 11.
4. Морхат П. М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // *Закон и право*. – 2018. – № 6. – С. 63–67.
5. Нахова Е. А. К вопросу о проблемах внедрения искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство // *Теория и практика современной юридической науки: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции*. СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург), 2021. – С. 146–153.
6. Холодная М. А. Интеллект // *Большая российская энциклопедия*. – М., 2008. – Т. 11. – С. 427–428.
7. McCarthy J., Minsky M. L., Rochester N., Shannon C. E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. // *AI Magazine*. – 2006. – Vol. 27. – Is. 4. – Pp. 12–17.

References

1. Bondarchuk, V. V., Ivanova, S. B., Kravchenko, N. M., Klyushanova, T. D. (2021) Usovershenstvovanie psihofiziagnosticheskikh issledovaniy v sistemah iskusstvennogo intellekta [Improvement of psychophysiodiagnostic research in artificial intelligence systems]. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. No. 7–8. Pp. 29–33. (In Russian).
2. Gadzhiev, G. A., Vojnikanis, E. A. (2018) Mozhet li robot byt' sub'ektom prava (poisk pravovyh norm dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki)? [Can a robot be a subject of law (search for legal norms to regulate the digital economy)?]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki – Right. Journal of the Higher School of Economics*. No. 4. Pp. 24–48. (In Russian).
3. Ibragimov, R., Suragina, E. (2017) Pravo mashin. Kak privlech' robota k otvetstvennosti [The law of machines. How to hold a robot accountable]. *Korporativnyj yurist – Corporate Lawyer*. No. 11. (In Russian).
4. Morhat, P. M. (2018) K voprosu o specifikе pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i o nekotoryh pravovyh problemah ego primeneniya v odel'nyh sferah [On the issue of the specifics of the legal regulation of artificial intelligence and some legal problems of its application in certain areas]. *Zakon i pravo – Law and right*. No. 6. Pp. 63–67. (In Russian).
5. Nahova, E. A. (2021) K voprosu o problemah vnedreniya iskusstvennogo intellekta v grazhdanskoe sudoproizvodstvo [On the problems of the introduction of artificial intelligence in civil proceedings]. *Teoriya i praktika sovremennoj yuridicheskoy nauki* [Theory and practice of modern legal science]. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 146–153. (In Russian).
6. Holodnaya, M. A. (2008) *Intellekt* [Intelligence]. Moscow: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. Vol. 11. Pp. 427–428. (In Russian).

7. McCarthy, J., Minsky, M. L., Rochester, N., Shannon, C. E. (2006) A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, August 31, 1955. *AI Magazine*. Vol. 27. Is. 4. Pp. 12–17.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

40/30/30 %

Об авторах

Нахова Елена Александровна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru.

Волков Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5670-2955, e-mail: spb.kit@mail.ru.

Игитов Александр Михайлович, младший научный сотрудник отдела научных исследований, Санкт-Петербургский институт (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2570-0041, e-mail: aleksanderigitov2@mail.ru.

About the authors

Elena A. Nakhova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-8463-6011, e-mail: nahova.elena@yandex.ru.

Dmitriy V. Volkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5670-2955, e-mail: spb.kit@mail.ru.

Alexandr M. Igitov, Junior researcher of the Department of Scientific Research, St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-2570-0041, e-mail: aleksanderigitov2@mail.ru.

Поступила в редакцию: 14.08.2023
Принята к публикации: 20.08.2023
Опубликована: 30.09.2023

Received: 14 August 2023
Accepted: 20 August 2023
Published: 30 September 2023

Конституционные права сторон упрощенного производства в арбитражном суде и принцип равенства перед законом и судом

В. К. Дмитриев¹, Е. П. Бородина²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируются основные правовые коллизии, возникающие в ходе рассмотрения дел в порядке упрощённого производства в арбитражном суде. На основании проведенного анализа и с учетом применимых правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации сформулированы предложения по решению данных коллизий, способствующие наиболее оптимальной защите конституционных прав сторон судебного разбирательства.

Ключевые слова: конституция, арбитражный суд, упрощенное производство, правовая позиция, Конституционный суд Российской Федерации.

Для цитирования: Дмитриев В. К., Бородина Е. П. Конституционные права сторон упрощенного производства в арбитражном суде и принцип равенства перед законом и судом // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 31–44. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_31. EDN: RLUOBG

Constitutional Rights of Parties of a Simplified Procedure in the Arbitration Court and Principle of Equality Under the Law and Court

Vladimir K. Dmitriev¹, Ekaterina P. Borodina²

¹ Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

² Arbitration Court of the City of Saint Petersburg and the Leningrad Region,
Saint Petersburg, Russian Federation

In the article authors analyze main legal conflicts arising in the course of consideration of cases by way of simplified proceedings in arbitration court. On the basis of analysis and taking into account applicable legal positions of Constitutional Court of Russian Federation, authors formulated some proposals to resolve these conflicts, contributing to the most optimal protection of constitutional rights of the parties of proceedings.

Key words: constitution, arbitration court, simplified procedure, legal position, Constitutional Court of Russian Federation.

For citation: Dmitriev, V. K., Borodina, E. P. (2023) Konstitucionnye prava storon uproshchennogo proizvodstva v arbitrazhnom sude i princip ravenstva pered zakonom i sudom [Constitutional Rights of Parties of a Simplified Procedure in the Arbitration Court and Principle of Equality Under the Law and Court]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 31–44. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_31. EDN: RLUOBG

Введение

Вопрос упрощенного производства достаточно сложен и многогранен. С одной стороны, должен существовать эффективный механизм реализации конституционного права на судебную защиту, с другой – нельзя допустить, чтобы этот механизм в силу тех или иных его дефектов представлял бы собой уже не средство защиты, а обратное – нарушал конституционные права и свободы.

Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (ч. 1), 2, 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1) и 118 (ч. 1), в России, как правовом демократическом государстве, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанностью государства, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием на основе принципа равенства всех перед законом и судом.

В соответствии со статьями Конституции РФ¹, 33, 46 (ч. 1 и 2), 47 (ч. 1), граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

В соответствии с ч. 3 ст. 291.1 АПК РФ², постановления арбитражных судов округов, которыми не были отменены

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всеобщим голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями от 01.07.2020) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 01.07.2021) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

судебные приказы, отменены или изменены судебные акты, принятые в порядке упрощенного производства, не подлежат обжалованию в Судебную коллегия ВС РФ.

В то же время, в случае если речь идет о подаче кассационной жалобы в ВС РФ по делу, рассмотренному в обычном (ординарном) порядке, подобного ограничения на подачу кассационной жалобы нормами АПК РФ (ст. 291.2–291.15) не установлено.

Лица, реализующие право на судебную защиту в порядке упрощенного производства и обычном порядке, фактически имеют разные правовые возможности для защиты своих субъективных прав и интересов (с учетом вышеупомянутых ограничений по обжалованию). Различия упрощенного и ординарного судопроизводства исходя из категорий рассматриваемых дел носят формальный, а не сущностный характер. Таким образом, лица, защищающие свои права и в том, и в другом порядке, находятся в одинаковой правовой ситуации.

Следовательно, их разные с точки зрения обжалования решения (постановления) суда возможности для реализации права на судебную защиту не имеют под собой объективных (конституционно обусловленных) оснований.

Результаты

Таким образом, исходя из изложенного, имеет место значительная и неоправданная диспропорция правового регулирования в части ограничения конституционных прав и свобод лиц, чьи дела были рассмотрены арбитражным судом в порядке упрощенного производства, и лиц, чьи дела были рассмотрены арбитражным судом в ординарном порядке.

Необходимо также отметить, как нам представляется, довольно очевидный юридико-технический недостаток формулировки данной правовой нормы. При-

чем он не слишком «лежит на поверхности», не влечет за собой каких-либо нарушений конституционных прав и свобод при рассмотрении подавляющего большинства категорий дел в арбитражных судах, а «всплывает» именно как правовая, процессуальная (и собственно конституционно-правовая) проблема лишь при рассмотрении дел одной категории – споры по вопросам интеллектуальной собственности.

Судом кассационной инстанции по данной категории споров являются не суды округов, а Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП), причем с его создания – а это десять лет – в вышеуказанную норму АПК РФ так и не были внесены хотя и небольшие по объему, но, возможно, могущие стать весьма важными при защите прав изменения.

В самом деле, ранее процитированная нами ч. 3 ст. 229 АПК РФ не указывает напрямую, могут ли постановления СИП как специализированного суда кассационной инстанции быть обжалованы в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ, если это постановление принималось в формате упрощенного производства (как и решение арбитражного суда первой инстанции и арбитражного суда апелляционной инстанции) и им не были отменены предыдущие судебные акты.

В этой ситуации могут быть два подхода, каждый из которых имеет свою методологическую и правовую основу.

Первый подход – тот, которым по аналогии нормы закона сейчас фактически руководствуется ВС РФ и с которым один из авторов данной статьи, В. К. Дмитриев, столкнулся в своей практике: в передаче кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ не просто отказывается, такая кассационная жалоба возвращается без рассмотрения именно со ссылкой на ч. 3 ст. 229 АПК РФ. Причем в обозначенном конкретном случае кассационная жалоба была без

рассмотрения возвращена даже не актом ВС РФ, т. е. судебным решением в широком смысле, подписанным судьей ВС РФ по делу (на момент принятия решения судья по делу уже был назначен), а письмом, подписанным консультантом ВС РФ.

Данное письмо было изготовлено на цветном гербовом бланке ВС РФ, и в связи с этим праву возникает вопрос: может ли консультант ВС РФ подписывать документ, которым фактически решается судьба документа (кассационной жалобы) по судебному делу?

Представляется, что такие ситуации должны быть однозначно исключены по следующим причинам.

Во-первых, консультант ВС РФ не является должностным лицом с административно-правовой точки зрения, поскольку не имеет никаких властных полномочий.

Во-вторых, возвращение кассационной жалобы, поданной для рассмотрения судьей ВС РФ на предмет возможности ее передачи на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам, является формой отправления правосудия, хотя жалоба в таком случае не рассматривается по существу. Фактически таким решением определяется окончательный отказ в судебной защите прав заявителя жалобы на данном этапе, а такие действия, конечно, относятся к отправлению правосудия. Естественно, что консультант ВС РФ не может отправлять правосудие, так как не имеет статуса судьи и в соответствии с основами российского конституционного строя правосудие осуществляется исключительно судом.

Следовательно, даже возвращение кассационной жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ по основаниям, предусмотренным АПК РФ, без рассмотрения может быть осуществлено только на основании соответствующего определения судьи ВС РФ.

Второй подход – норму ч. 3 ст. 229 АПК РФ нужно понимать ограничительно или хотя бы буквально, т. е. учитывать, что СИП в ней прямо не поименован, а значит, по меньшей мере в текущей редакции АПК РФ (пока законодатель не внес соответствующие изменения) нет оснований возвращать кассационную жалобу, поданную в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ без рассмотрения применительно к смыслу ч. 3 ст. 229 АПК РФ.

Как нам представляется, обратный подход не соответствует общеправовым фундаментальным принципам, а также целому ряду правовых позиций, ранее сформулированных Конституционным судом Российской Федерации [1].

Общеизвестно – закон, устанавливающий ответственность или отягчающий (ухудшающий в том или ином виде положение лица), не может иметь обратной силы. Кроме того, в публичных процессах (административном, уголовном) прямо запрещено применение аналогии права, аналогии закона в этой части.

В силу ст. 2, 15, 17, 18 и 45 Конституции РФ право, закрепленное в ее ст. 33 (право на обращение в органы государственной власти), должно обеспечиваться законодателем, который обязан создать эффективный механизм его реализации и защиты (Постановление от 18 июля 2012 года № 19-П).

Несоблюдение этих требований, неоднократно ранее обозначенных КС РФ, может повлечь за собой ситуацию, когда в доступе к правосудию отказывается лицу, чьи конституционные и процессуальные права ранее были грубо нарушены неправосудным решением.

Как ранее отмечал КС РФ, институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной

защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения, а вместе с тем правовую определенность, включая признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов.

Исходя из этого, полагаем, что нужно сформулировать и следующий подход: правовые нормы, ограничивающие конституционные права и свободы лиц, в отсутствие прямого указания федерального закона на основания и пределы ограничения таких прав и свобод, должны пониматься или буквально, или ограничительно¹ [3].

Если не следовать такому подходу, то может сложиться ситуация, когда именно в связи с расширительным пониманием правовой норы невозможно устранить в судебном порядке грубейшие нарушения конституционных прав сторон в судебном процессе по формальным основаниям. В ситуации, с которой мы столкнулись в юридической практике, проблема заключалась в том, что обжалованное в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ постановление было принято СИП в незаконном составе суда (в отсутствие назначенных по делу судебных заседаний дело было рассмотрено не единолично, а тремя судьями). Такое нарушение в соответствии с АПК РФ само по себе является основанием для отмены судебного акта независимо от его содержания, т. е. это не что иное, как ненадлежащее отправление правосудия, о недопустимости которого свидетельствуют ранее процитированные нами правовые позиции КС РФ.

¹ Дмитриев В. К. Правовое государство как базовый атрибут конституционного строя Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 242 с.

Если же вернуться к вопросу о преимуществах и недостатках упрощенного производства как формы рассмотрения дел в арбитражном суде в целом, хотелось бы отметить следующее.

Как неоднократно указывал КС РФ, из принципа юридического равенства применительно к реализации конституционного права на судебную защиту исходит требование, в силу которого однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом; соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания¹.

В рассматриваемой правовой ситуации конституционный принцип равенства, ранее неоднократно становившийся предметом рассмотрения КС РФ, предполагает, исходя из указанной его правовой позиции, ограничение дискреции федерального законодателя в части установ-

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой» // СЗ РФ. 2001. № 22. Ст. 2276; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 3 июня 2004 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений подпунктов 10, 11 и 12 пункта 1 статьи 28, пунктов 1 и 2 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами Государственной думы Астраханской области, Верховного суда Удмуртской Республики, Биробиджанского городского суда Еврейской автономной области, Елецкого городского суда Липецкой области, Левобережного, Октябрьского и Советского районных судов города Липецка, а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2004. № 24. Ст. 2476; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в связи с запросом Верховного суда Российской Федерации и жалобой граждан М. Ш. Орлова, Х. Ф. Орлова и З. Х. Орловой» // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2876; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 5 апреля 2007 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пункта 8 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы «Государственные жилищные сертификаты» на 2004–2010 годы, входящей в состав Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы, в связи с жалобами ряда граждан» // СПС «Гарант».

ления правовых ограничений на возможности защиты субъективных прав в рамках упрощённого производства.

По сути, даже само рассмотрение дел в порядке упрощенного производства представляет собой *ad rem* заведомое ограничение его конституционных прав ответчика, в силу того, что дело рассматривается без вызова сторон по представленным документам, соответственно, ответчик значительно ограничен в своей возможности представить свои доказательства и пояснения непосредственно суду, а следовательно, – и в своих конституционных правах на судебную защиту и на равенство перед законом и судом. При этом судебный акт, принятый в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению, несмотря на то что уже после исполнения такого акта он может быть отменен или изменен (в пользу другой стороны), а при этом предусмотренный АПК РФ поворот исполнения решения суда (как средство восстановления прав другой стороны, ранее нарушенных неправосудным решением) объективно может быть затруднителен, неэффективен или невозможен вообще (по целому ряду причин), что дополнительно иллюстрирует диспропорцию в процессуальных правах истца и ответчика.

Установление подобных правил можно полагать относящимся к дискреции федерального законодателя. Однако именно в силу этого законодателю необходимо обращать особенное внимание на то, чтобы действующее правовое регулирование обеспечивало ситуацию, когда решения, принимаемые по делам в порядке упрощенного производства, являются законными, а сторона, не согласная с решением (постановлением) суда, имеет все предусмотренные законом возможности для обжалования такого решения, поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод возможно обжалование

в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом эффективно-го восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает данное право¹.

В контексте рассматриваемого вопроса следует подчеркнуть, что ранее указанное ограничение возможностей защиты в упрощённом производстве в той или иной части касается и истца по делу. Таким образом, в результате рассмотрения конкретного дела в суде обе стороны спора могут оказаться в ситуации, когда их права нарушены, а восстановить их не представляется возможным.

Тезисно отметим еще одну проблему, а именно ситуацию, когда невозможно восстановить те или иные конституционные права ответчика, которые реально нарушены при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства. Речь идет о следующем: некоторые определения, вынесенные судом, которыми дело не разрешается по существу, в соответствии с АПК РФ не подлежат обжалованию. Вместе с тем вполне реальна (и более того – имела место в практике арбитражных судов) следующая ситуация: государственная пошлина исчислена и уплачена при подаче искового заявления в ненадлежащем размере (меньше требуемого по закону), не хватает иных обязательных согласно АПК РФ документов, прилагаемых к исковому заявлению; документы во исполнение ранее вынесенного определения суда об оставлении этого искового заявления без движения представлены истцом значительно позже указанного в определении срока. Исходя из буквального

¹ Постановления от 2 февраля 1996 г. № 4-П, от 3 февраля 1998 г. № 5-П, от 5 февраля 2007 г. № 2-П и др.

толкования требований норм АПК РФ, данное исковое заявление должно было быть возвращено судом без рассмотрения не позднее дня, следующего за установленной датой оставления искового заявления без движения. Вместо этого суд принимает исковое заявление к производству, фактически нарушив требования АПК РФ в части требований к нему.

Таким образом, в описанной ситуации очевидно нарушение конституционных прав ответчика на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство. Но это нарушение никак не может быть исправлено в процессуальном порядке, поскольку к окончанию установленного срока рассмотрения дела в порядке упрощенного производства и дате подачи апелляционной жалобы даже по аналогии закона срок обжалования такого определения в апелляционном порядке истек, а сразу после вынесения такое определение арбитражного суда обжаловать нельзя, поскольку оно по смыслу АПК РФ не подлежит обжалованию в апелляционном порядке как не разрешающее дело по существу.

Вместе с тем утверждать, что если в такой ситуации определением суда дело не разрешается по существу, то и нет нарушения прав сторон, или что это может быть так или иначе учтено (или исправлено) судом при рассмотрении дела, было бы чрезмерным упрощением как минимум по двум причинам.

Во-первых, как было ранее отмечено, если такая ситуация имеет место в ходе упрощенного производства, стороны резко ограничены в своей возможности представления доказательств (и особенно – своей правовой позиции) непосредственно суду.

Во-вторых, такой формальный подход не соответствует давно сформированным правовым позициям КС РФ, как раз и являющимся предметом рассмотрения в данной статье.

Заключение

Исходя из изложенного, представляется целесообразным в целях надлежащей защиты конституционных прав сторон дела, рассматриваемого в порядке упрощенного производства, как минимум внести изменения в законодательство (АПК РФ) по аналогии с судебным приказом: решение арбитражного суда первой инстанции, принятое в порядке упрощенного производства, должно вступать в силу только при согласии с ним обеих сторон спора. Или же законодатель может предусмотреть получение согласия обеих сторон на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства еще на стадии принятия искового заявления к производству. Если хотя бы одна из сторон выразит несогласие с таким порядком рассмотрения дела, суд должен автоматически перейти к рассмотрению дела в ординарном порядке.

Подобные меры, с одной стороны, как нам представляется, позволят избежать диспропорции в фактической возможности реализации конституционных прав сторон арбитражного процесса, с другой – сохранить упрощенное производство как порядок рассмотрения некоторых категорий дел в арбитражном суде.

Список литературы

1. Дмитриев В. К. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в системе атрибутов правового государства // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39 (49). – С. 12–16.
2. Дмитриев В. К., Новиков А. Б., Бернацкий Г. Г., Бродский М. Н. Категория свободы как основа конституционализма и «ядро» правового государства // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 11А. – С. 46–54.

References

1. Dmitriev, V. K. (2015) *Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v sisteme atributov pravovogo gosudarstva* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of attributes of the Rule of law]. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta – Academic notes of the Faculty of Law*. No. 39 (49). Pp. 12–16. (In Russian).

2. Dmitriev, V. K., Novikov, A. B., Bernackij, G. G., Brodskij, M. N. (2019) Kategoriya svobody kak osnova konstitucionalizma i «yadro» pravovogo gosudarstva [The category of freedom as the basis of constitutionalism and the "core" of the rule of law]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava – Issues of Russian and international law*. Vol. 9. No. 11A. Pp. 46–54. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

70/30 %

Об авторах

Дмитриев Владимир Константинович, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000–0002–1431–4591, e-mail: vl-dmitriev@mail.ru

Бородина Екатерина Павловна, помощник судьи, Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vl-dmitriev@mail.ru

About the authors

Vladimir K. Dmitriev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000–0002–1431–4591, e-mail: vl-dmitriev@mail.ru

Ekaterina P. Borodina, Assistant Judge, Arbitration Court of the City of Saint Petersburg and the Leningrad Region, Saint Petersburg, Russian Federation, e-mail: vl-dmitriev@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.07.2023
Принята к публикации: 13.09.2023
Опубликована: 30.09.2023

Received: 03 July 2023
Accepted: 13 September 2023
Published: 30 September 2023

Правовое регулирование противодействия терроризму: пересечение направлений в минимизации последствий

А. Н. Метельков

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность статьи обусловливается ростом опасности ядерного терроризма в условиях трансформации глобального правопорядка.

Обоснована важность правового регулирования минимизации последствий в теоретической концепции противодействия терроризму. Предложено расширить условия такой минимизации в нормативном определении контртеррористической операции.

В результате анализа концептуальных подходов к минимизации последствий проявлений терроризма выявлена коллизия легального понятия и правовых норм.

Ключевые слова: правовое регулирование, террористический акт, минимизация, последствия.

Для цитирования: Метельков А. Н. Правовое регулирование противодействия терроризму: пересечение направлений в минимизации последствий // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 45–60. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_45. EDN: RMBVMX

Legal Regulation of Counter-terrorism: the Intersection of Directions in Minimizing the Consequences

Alexander N. Metelkov

Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the article is determined by the growing danger of nuclear terrorism in the context of the transformation of the global legal order.

The importance of legal regulation of minimizing the consequences in the theoretical concept of countering terrorism is substantiated. It is proposed to expand the conditions for such minimization in the normative definition of a counterterrorist operation.

As a result of the analysis of conceptual approaches to minimizing the consequences of manifestations of terrorism, a conflict between the legal concept and legal norms was revealed.

Key words: legal regulation, terrorist act, minimization, consequences.

For citation: Metelkov, A. N. (2023) Pravovoe regulirovanie protivodejstviya terrorizmu: peresechenie napravlenij v minimizacii posledstvij [Legal Regulation of Countering Terrorism: Intersection of Directions in Minimizing the Consequences]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 45–60. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_45. EDN: RMBBMX

Введение

Предметом правового регулирования в системе категорий «государство – право – терроризм» являются правовые отношения в сфере защиты основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения национальной безопасности. В противодействии терроризму государством на основе права упорядочивается деятельность определенной части государственного аппарата, поэтому представляется важным теоретическое исследование содержания правового регулирования общественных отношений в каждом из направлений такого противодействия, их соотношения и взаимосвязи.

Актуальность рассмотрения понятий «борьба с терроризмом» и «минимизация последствий проявлений терроризма» вызвана проблемой теоретического разграничения этих взаимосвязанных и частично совпадающих правовых категорий. Осуществляемые в этой смежной зоне меры не до конца укладываются в законодательно закрепленную теоретическую модель противодействия. Теоретические подходы к структурированию противодействия терроризму на фундаментальные направления отражаются на организационно-правовых основах деятельности органов государства. Наглядно это можно показать на примере ядерного терроризма, угроза проявлений которого в связи с ракетно-артиллерийскими обстрелами Запорожской АЭС и диверсионно-террористическими актами на опорах линий электропередач Курской АЭС в социально-политическом смысле в 2022 г. из теоретической плоскости перешла в реальность.

Понятие минимизации

Отражением тенденции возрастания рисков в обществе явилось развитие социологии катастроф, исследующей способы минимизации разрушительных воздей-

ствий. Сложные и системные вопросы минимизации последствий, несмотря на их кажущуюся очевидность, в правовом отношении слабо проработаны и на законодательном уровне практически не раскрываются [5, с. 52,54; 10, с. 126; 17, с. 23–30; 22, с. 140–142]. Правовая теория минимизации последствий терроризма слабо разработана, ее положения в научной литературе отражены фрагментарно. Одни авторы необоснованно сужают ее содержание, другие расширяют, третьи включают в профилактику терроризма.

Деятельность по минимизации последствий терроризма В. П. Малышев и С. Г. Мингалева сводят только к минимизации последствий теракта, которую тесно связывают с профилактической деятельностью в МЧС России [16, с. 88]. В минимизации и ликвидации последствий правонарушений М. Н. Ахмедов выявляет «профилактический характер» [18, с. 44], что нивелирует ее самостоятельное значение. О. Р. Афанасьева в структуре минимизации и ликвидации последствий в качестве самостоятельного направления противодействия правонарушениям отождествляет одно из двух направлений минимизации и ликвидации с профилактикой, что размывает грань между профилактикой и минимизацией последствий [3; с. 20–26]. В определение контртеррористической операции (далее – КТО) включены мероприятия, направленные «также на минимизацию» [19] ее последствий. Теоретические подходы к определению КТО даны в работе [11, с. 36], в которой авторы обоснованно предлагают заменить в нем комплекс мероприятий на систему мер, включающих специальные (спасательные, медицинские и иные) [11, с. 37].

Дефиниция «минимизация» исследователями рассматривается по-разному: и как «преодоление (минимизация)» [14, с. 32], и как «минимизация потерь» [9, с. 28], и как «ослабление негативных социальных последствий» [6,

с. 140], «уменьшение опасных последствий» [13, с. 2], минимизации рисков в государственном управлении путем «применения комплаенса – процедур» [20, с. 105]. Минимизацию последствий проявлений терроризма можно определить как организационное воздействие правовых средств для уменьшения до допустимого уровня ущерба от различных последствий теракта и преступлений террористической направленности (далее – ПТН).

Минимизация последствий проявлений терроризма

Антитеррористическая функция государства предполагает использование «мер и методов экономического, политического, социального и правового характера» [1, с. 6]. В свете действующей государственно-правовой парадигмы противодействия терроризму проблема соотношения понятий «борьба с терроризмом» и «минимизация последствий» его проявлений требует более глубокого теоретико-правового осмысления.

Меры по минимизации направлены не на причины и условия правонарушений, а на их последствия. В отличие от профилактики терроризма они имеют иной объект правового воздействия и нуждаются в самостоятельном правовом режиме регулирования. Л. А. Коннова, рассматривая минимизацию последствий радиоактивного загрязнения территорий, полагает, что в экстремальной ситуации радиационной аварии радиологическая культура поведения помогает решать задачу «минимизации радиофобии» [15, с. 83]. Т. В. Дымова, Л. А. Морозова упоминают «минимизацию неблагоприятных экологических последствий от пожаров растительности» [7, с. 93], в том числе подверженных радиоактивному загрязнению.

В научной литературе рассматриваются различные аспекты последствий проявлений терроризма, относимые к насильственной преступности. Минимизацию

социальных последствий такой преступности связывают с уменьшением масштабов и вреда в пределах полномочий «федеральных, региональных и местных органов государственной власти и управления, институтов гражданского общества» [4, с. 11]. В таком контексте трудно согласиться с отнесением местных органов самоуправления к органам государственной власти. М. П. Киреев, А. А. Беляев рассматривают особенности последствий терактов и их смягчение государственными и муниципальными органами, физическими и юридическими лицами [12, с. 68].

На основании анализа конструкций правовых норм предложено усовершенствовать существующую концептуальную модель механизма правового регулирования антитеррористическим взаимодействием государственных органов и организаций в минимизации последствий проявления терроризма. Для примера рассмотрим ядерный терроризм, минимизация последствий которого, как показывает история радиационных аварий, наиболее показательна. Своевременное доведение до населения достоверной информации об акте ядерного терроризма, сложившейся и прогнозируемой радиационной обстановке, а также реализация необходимых информационных мероприятий будут способствовать сохранению жизни и здоровья людей, предотвращению дестабилизации обстановки, смягчению негативного социально-психологического воздействия и санитарно-медицинских последствий.

Авария на Чернобыльской АЭС, ставшая крупнейшей в мире техногенной и социально-психологической катастрофой, нанесла цивилизации огромный экономический, морально-нравственный и генетический ущерб. Преодоление ее последствий «потребовало решения исключительно сложных и крупномасштабных проблем, затрагивающих практически все сферы общественной жизни,

многие аспекты науки, техники, производства, морали и права» [2, с. 9]. Поэтому особенностью минимизации последствий является ее «упреждающий характер» [4, с. 11].

При обсуждении минимизации последствий ядерного теракта старший офицер Академии Форт Левенпорт Т. Кевин рассказал о существовании в США специальной системы ликвидации чрезвычайных ситуаций, в которой предусмотрены методы предотвращения и ликвидации последствий ядерных аварий и терактов. Американская система организована по принципу централизованного контроля и децентрализованного исполнения. Силы первоначального реагирования решают задачи по сохранению человеческих жизней, предотвращению вредных для здоровья последствий, защите и сохранности ядерного материала, имущества и по предотвращению вреда экологической ситуации, а также сведению «к минимуму последствий ядерной аварии» [21, с. 98].

Успешному проведению мероприятий по минимизации последствий теракта благоприятствует учет специфики чрезвычайных ситуаций и объектов (например, АЭС), подвергшихся воздействию террористов, и методов их преступной деятельности.

Минимизация в борьбе с терроризмом

Рассмотрим правовое регулирование минимизации последствий терроризма и теракта как одного из его проявлений. Из трех структурных направлений в легальном определении противодействия терроризму исследуем борьбу с терроризмом и минимизацию последствий его проявлений. При первом рассмотрении эти направления выглядят как самостоятельные, взаимопроникновение их друг в друга явно не просматривается. Для углубленного анализа раскроем эти направления. Борьба с терроризмом в базовом анти-

террористическом законе прямо не содержит указание на минимизацию последствий. Однако синтез положений Концепции о противодействии терроризму в РФ (Концепция) и законодательного определения КТО позволяет обосновать вывод о том, что минимизация последствий теракта как элемент такой операции входит в содержание борьбы с терроризмом. Логические размышления приводят нас к обоснованному выводу, что минимизация последствий терроризма как существенная часть противодействия терроризму наряду с «профилактикой» и «борьбой» охватывает и минимизацию последствий теракта. Этот вывод следует из утверждения о том, что теракт является одним из самых опасных проявлений терроризма.

Таким образом, не без оснований можно сделать вывод о взаимопроникновении двух рассмотренных направлений противодействия. В «чистом» виде эти направления противодействия терроризму не существуют, они частично перекрываются, либо, если оперировать терминами математической теории множеств, их можно назвать пересекающимися множествами. Область пересечения (условно назовем «серой зоной») дает правовые основания для распространения деятельности по минимизации последствий проявлений терроризма на решение основных задач, сформулированных в п. 17 Концепции. В результате можно прийти к выводу о том, что деятельностью по минимизации последствий обязаны заниматься государственные и негосударственные субъекты. Правовая неопределенность приводит к размыванию их полномочий.

В теории происходит неоправданное совмещение борьбы с терроризмом и минимизации последствий проявлений терроризма. В Концепции (п. 23) основной формой пресечения теракта определена КТО, предус-

матривающая мероприятия по минимизации последствий только теракта. В процессе наших рассуждений сформировано умозаключение об охвате минимизации последствий проявлений терроризма минимизации последствий теракта, который представляет одно из его характерных проявлений. Однако указанное взаимопроникновение этих двух направлений в теории и на практике приводит к правовой неопределённости в полномочиях субъектов противодействия терроризму.

Как показывает проведенный системный и сравнительно-правовой анализ содержания норм антитеррористического законодательства и определений терминов, в дефинициях контртеррористической операции, правового режима КТО и ПТН скрыт узел противоречий.

Согласно положениям ч. 5 ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» (далее – Закон о ПТ) правовой режим КТО, который вводится (ч. 1 ст. 11) в пределах территории проведения КТО на период ее проведения, служит для пресечения и раскрытия ПТН, минимизации его последствий [9, с. 126]. Следовательно, можно сделать вывод о возможности осуществления минимизации последствий преступлений террористической направленности при проведении КТО. Однако легальное определение КТО не охватывает минимизацию последствий таких преступлений.

В положениях ч. 1 ст. 17 Конституции РФ закреплена норма, гарантирующая права и свободы человека и гражданина (право на жизнь, достоинство личности, право на свободу и личную неприкосновенность). Исходя из конституционных положений можно утверждать, что минимизация человеческих жертв при совершении террористических преступлений является основным правовым содержанием минимизации последствий терактов и иных проявлений терроризма.

Важно подчеркнуть, что официальные концептуальные взгляды на минимизацию последствий ограничиваются только последствиями терактов и не учитывают другие проявления терроризма (захват заложников, совершение актов ядерного терроризма и т. п.). Однако в практической деятельности для «минимизации ... последствий террористических актов предусмотрено задействование сил и средств МЧС России» [8, с. 23], что подтверждают результаты анализа действий спасателей во время операции по освобождению заложников в школе Беслана. Парламентская комиссия отметила законность и эффективность применения сил МЧС России при проведении этой операции. Своевременно принятые сотрудниками МЧС России и реализованные решения существенно снизили риск гибели пострадавших и спасателей.

Следует подчеркнуть, что согласно нормам ст. 11 Закона о ПТ правовой режим КТО может вводиться и в целях минимизации последствий ряда преступлений террористической направленности.

Комплексный анализ положений ст. 1. и ч. 2 ст. 12 Закона о ПТ показывает, что решение о введении правового режима КТО возможно осуществить только при выполнении важного императивного условия – принятии решения о проведении такой операции уполномоченным лицом и установлении территориальных пределов ее проведения. Из этого положения следует, что есть ограниченность законодательной формулировки понятия КТО в части минимизации последствий теракта. С учетом изложенного предлагается авторское определение понятия «контртеррористическая операция», в котором комплекс мероприятий охватывает минимизацию последствий террористического акта.

Правовое регулирование должно быть нацелено на предотвращение актов терроризма и преступлений

террористической направленности, минимизацию их последствий.

В результате исследования содержания правовых терминов нами на основе анализа правовых норм антитеррористического законодательства выявлено взаимодействие основных направлений противодействия терроризму. Такая взаимосвязь имеет отношение к правовым и неправовым функциям государства, которые необходимо учитывать в правовом регулировании деятельности координирующих органов в субъектах РФ.

На основании анализа конструкций правовых норм предложено усовершенствовать существующую теоретическую (концептуальную) и правовую модель механизма управления антитеррористическим взаимодействием государственных органов и организаций в вопросах минимизации последствий проявления терроризма. Анализ норм действующего антитеррористического законодательства с учетом опыта операций по освобождению заложников показывает, что планирование деятельности по минимизации последствий должно осуществляться исходя не только из прогнозируемых последствий терактов, но и других проявлений терроризма. Практика подтверждает необходимость уточнения и расширения соответствующего положения Концепции (п. 17).

Заключение

Проведённый анализ антитеррористического законодательства показывает необходимость сглаживания противоречий как в теории противодействия терроризму, так и в российском антитеррористическом законодательстве путем уточнения, расширения содержания понятия КТО. В связи этим предлагаем в ст. 3 Закона о ПТ в определении рассматривать КТО как систему мер по пресе-

чению не только теракта, но и ПТН, а также по минимизации последствий указанных преступлений.

Правопонимание КТО позволяет целенаправленно использовать аппарат государства для минимизации последствий терроризма.

Список литературы:

1. Айдемирова А. Ф. Терроризм – глобальная проблема мирового сообщества // Вестник современных исследований. – 2019. – № 2. – С. 4–7. EDN: VWDFVI
2. Алексанин С. С. 30 лет после Чернобыля: патогенетические механизмы формирования соматической патологии, опыт медицинского сопровождения участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции: монография. – СПб.: Политехника-принт, 2016. – 506 с. EDN: YMPOBD
3. Афанасьева О. Р. Минимизация последствий коррупционных правонарушений: понятие, содержание, основные направления // Наука. Мысль. – 2016. – № 5. – С. 20–25. EDN: VTZINX
4. Афанасьева О. Р. Минимизация социальных последствий насильственной преступности: теоретические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. – 2018. – № 4. – С. 7–13. EDN: YVRCJF
5. Ашин А. А., Михайлов А. Е. Особенности правового регулирования минимизации и ликвидации последствий экстремизма и терроризма: на материалах Владимирской области // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 1. – С. 51–55. EDN: VXIRSG
6. Демичев Д. М. Некоторые социально-экологические аспекты минимизации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. – 2014. – № 2. – С. 132–144. EDN: VIBCQB
7. Дымова Т. В., Морозова Л. А. Геоэкологическая оценка пожароопасности территорий для минимизации неблагоприятных экологических последствий // Геология, география и глобальная энергия. – 2020. – № 2. – С. 90–94. EDN: AUARTV
8. Ильин Е. П. Выступление // Вестник Национального антитеррористического комитета. – № 2. – 2021. – С. 23.
9. Инякин В. Н. Исследование возможностей стабилизации надежности теплоснабжения и минимизации последствий техногенных аварий в Луганской области // Економічний вісник Донбасса. – 2012. – № 1. – С. 26–31.
10. Казак Б. Б., Шабанов В. Б. Актуальные проблемы организационно-правового обеспечения режима контртеррористической операции // Юридическая мысль. – 2018. – № 6. – С. 123–127. EDN: ZHVKN
11. Киреев М. П., Беляев А. А. Контртеррористическая операция, ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3. – С. 36–40.
12. Киреев М. П., Беляев А. А. Минимизация последствий теракта – новая задача органов внутренних дел Российской Федерации // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 68–70. EDN: SBEART

13. Киселев О. В., Шипило К. А., Липский В. К. Метод минимизации последствий разливов нефтепроводов и нефтепродуктопроводов на подводных переходах через дефекты типа «прокол (трещина)» // Вестник науки и образования Северо-Запада России. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 121–127. EDN: VJHHVQ

14. Комарова Г. В. О значении судебной практики для минимизации последствий кризисных явлений в экономике // Гражданин и право. – 2010. – № 1. – С. 30–33.

15. Коннова Л. А. Радиологическая культура населения и спасателей как условие минимизации последствий радиоактивного загрязнения территории // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2009. – № 4. – С. 82–84. EDN: NCRARF

16. Малышев В. П., Мингалеев С. Г. Основные направления участия МЧС России в профилактике, минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 82–88. EDN: FLPUСJ

17. Метельков А. Н. Противодействие терроризму: коллизии в правовой минимизации последствий // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 23–30. EDN: DXBDCI

18. Михайлов А. Е. Сущность минимизации и ликвидации последствий правонарушений (на примере противодействия коррупции) // Вестник Владимирского государственного университета. Юридические науки. – 2018. – № 4. – С. 42–45. EDN: IFXMGU

19. Петрищев В. Е. Словарь основных терминов и понятий в сфере борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 66 с.

20. Попондопуло В. Ф., Петров Д. А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. – 2020. – № 1. – С. 102–114. EDN: WTLRVU

21. Противодействие ядерному и радиационному терроризму: материалы Международного научно-практического семинара. Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. – М.: Изд. НААФ, 2007. – 212 с.

22. Троицкий С. В. Международно-правовые и национально-правовые основы минимизации и ликвидации последствий терроризма и иных тяжких преступлений // Вестник РУДН. Юридические науки. – 2011. – № 3. – С. 140–147.

References

1. Ajdemirova, A. F. (2019) Terrorism – global'naya problema mirovogo soobshchestva [Terrorism is a global problem of the world community]. *Vestnik sovremennyh issledovaniy – Bulletin of Modern Research*. No. 2. Pp. 4–7. (In Russian). EDN: VWDFVI

2. Aleksanin, S. S. (2016) *30 let posle CHernobylya: patogeneticheskie mekhanizmy formirovaniya somaticheskoy patologii, opyt medicinskogo soprovozhdeniya uchastnikov likvidacii posledstvij avarii na CHernobyл'skoj atomnoj elektrostancii* [30 years after Chernobyl: pathogenetic mechanisms of the formation of somatic pathology, the experience of medical support for participants in the liquidation of the consequences of the accident at the Chernobyl nuclear power plant]. St. Petersburg: Politekhnik-a-print. (In Russian). EDN: YMPOBD

3. Afanas'eva, O. R. (2018) Minimizaciya social'nyh posledstvij nasil'stvennoj prestupnosti: teoreticheskie i prikladnye problemy [Minimizing the social consequences of violent crime: theoretical and applied problems]. *Nauchnyj portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. Pp. 7–13. (In Russian). EDN: YVRCJF

4. Afanas'eva, O. R. (2016) Minimizaciya posledstvij korrupcionnyh pravonarushenij: ponyatie, sodержanie, osnovnye napravleniya [Minimization of the consequences of corruption offenses: concept, content, main directions]. *Nauka. Mysl' – Science. Thought*. No. 5. Pp. 20–25. (In Russian). EDN: VTZINX

5. Ashin, A. A., Mihajlov, A. E. (2019) Osobennosti pravovogo regulirovaniya minimizacii i likvidacii posledstvij ekstremizma i terrorizma: na materialah Vladimirovskoj oblasti [Features of the legal regulation of minimizing and eliminating the consequences of extremism and terrorism: on the materials of the Vladimir region]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. No. 1. Pp. 51–55. (In Russian). EDN: VXIRSG

6. Demichev, D. M. (2014) Nekotorye social'no-ekologicheskie aspekty minimizacii posledstvij katastrofy na Chernobyl'skoj AES [Some social and environmental aspects of minimizing the consequences of the disaster at the Chernobyl nuclear power plant]. *Vestnik Instituta kompleksnyh issledovanij aridnyh territorij – Bulletin of the Institute of complex studies of arid territories*. No. 2. Pp. 132–144. (In Russian). EDN: VIBCQB

7. Dymova, T. V., Morozova, L. A. (2020) Geoekologicheskaya ocenka požaropasnosti territorij dlya minimizacii neblagopriyatnyh ekologicheskikh posledstvij. [Geo-ecological assessment of the fire hazard of territories to minimize adverse environmental consequences]. *Geologija, geografija i global'naja jenergiya – Geology, geography and global energy*. No. 2. Pp. 90–94. (In Russian). EDN: AUARTV

8. Il'in, E. P. (2021) Vystuplenie [Speech]. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta – Bulletin of the National Anti-Terrorist Committee*. No. 2. P. 23. (In Russian).

9. Inyakin, V. N. (2012) Issledovanie vozmozhnostej stabilizacii nadezhnosti teplosnabzheniya i minimizacii posledstvij tekhnogennyh avarij v Luganskoj oblasti [Study of the possibilities of stabilizing the reliability of heat supply and minimizing the consequences of man-made accidents in the Luhansk region]. *Ekonomichnij visnik Donbassa – Economic Bulletin of Donbass*. No. 1. Pp. 26–31. (In Russian).

10. Kazak, B. B., SHabanov, V. B. (2018) Aktual'nye problemy organizacionno-pravovogo obespecheniya rezhima kontrterroristicheskoy operacii [Actual problems of organizational and legal support of the regime of the counter-terrorist operation]. *Yuridicheskaya mysl' – Legal thought*. No. 1. Pp. 123–127. (In Russian). EDN: ZHVKON

11. Kireev, M. P., Belyaev, A. A. (2017) Kontrterroristicheskaya operaciya, ee pravovoj rezhim: teoretiko-pravovoj aspekt [Counter-terrorist operation, its legal regime: theoretical and legal aspect]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3. Pp. 36–40. (In Russian).

12. Kireev, M. P., Belyaev, A. A. (2014) Minimizaciya posledstvij terakta – novaya zadacha organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Minimizing the consequences of a terrorist attack is a new task for the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Chernye dyry v Rossijskom zakonodatel'stve – Black holes in Russian legislation*. No. 1. Pp. 68–70. (In Russian). EDN: SBEART

13. Kiselev, O. V., SHipilo, K. A., Lipskij, V. K. (2018) Metod minimizacii posledstvij razlivov nefteprovodov i nefteproduktoprovodov na podvodnyh perekhodah cherez defekty tipa «prokol (treshchina)» [Method for minimizing the consequences of spills of oil pipelines and oil products pipelines at underwater crossings through defects such as "puncture (crack)"]. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii –*

Bulletin of Science and Education of the North-West of Russia. Vol. 4. No. 1. Pp. 121–127. (In Russian). EDN: VJHHVQ

14. Komarova, G. V. (2009) O znachenii sudebnoj praktiki dlya minimizacii posledstvij krizisnyh yavlenij v ekonomike [On the importance of judicial practice for minimizing the consequences of crisis phenomena in the economy]. *Grazhdanin i pravo – Citizen and law*. No. 1. Pp. 30–33. (In Russian).

15. Konnova, L. A. (2009) Radiologicheskaya kul'tura naseleniya i spasatelej kak uslovie minimizacii posledstvij radioaktivnogo zagryazneniya territorij [Radiological culture of the population and rescuers as a condition for minimizing the consequences of radioactive contamination of territories]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. No. 4. Pp. 82–84. (In Russian). EDN: NCRARF

16. Malyshev, V. P., Mingaleev, S. G. (2019) Osnovnye napravleniya uchastiya MCHS Rossii v profilaktike, minimizacii i likvidacii posledstvij proyavlenij terrorizma [The main directions of the participation of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the prevention, minimization and elimination of the consequences of manifestations of terrorism]. *Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya – Civil protection strategy: problems and research*. Vol. 9. No. 2. Pp. 82–88. (In Russian). EDN: FLPUCJ

17. Metel'kov, A. N. (2023) Protivodejstvie terrorizmu: kollizii v pravovoj minimizacii posledstvij [Counteracting terrorism: collisions in the legal minimization of consequences // Gaps in Russian legislation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in the Russian zakonodatel'stve*. Vol. 16. No. 2. Pp. 23–30. (In Russian). EDN: DXBDCI

18. Mihajlov, A. E. (2018) Sushchnost' minimizacii i likvidacii posledstvij pravonarushenij (na primere protivodejstviya korrupcii) [The essence of minimizing and eliminating the consequences of offenses (on the example of combating corruption)]. *Vestnik Vladimirsikogo gosudarstvennogo universiteta. YUridicheskie nauki – Bulletin of Vladimir State University. legal sciences*. No. 4. Pp. 42–45. (In Russian). EDN: IFXMGU

19. Petrishchev, V. E. (2003) Slovar' osnovnyh terminov i ponyatij v sfere bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom i inymi proyavleniyami ekstremizma [Dictionary of basic terms and concepts in the field of combating international terrorism and other manifestations of extremism]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).

20. Popondopulo, V. F., Petrov, D. A. (2020) Kompliens kak pravovoj instrument minimizacii riskov i profilaktiki pravonarushenij [Compliance as a legal instrument for risk minimization and crime prevention]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Bulletin of St. Petersburg State University. Right*. No. 1. Pp. 102–114. (In Russian). EDN: WTLRVU

21. (2007) Protivodejstvie yadernomu i radiacionnomu terrorizmu [Counteraction to Nuclear and Radiological Terrorism]. *Vsemirnyj Antikriminal'nyj i Antiterroristicheskij Forum* [The World Anti-Criminal and Anti-Terrorist Forum]. Materials of the International Scientific and Practical Seminar. Moscow: Izd. NAAF. No. 1. (In Russian).

22. Troickij, S. V. (2011) Mezhdunarodno-pravovye i nacional'no-pravovye osnovy minimizacii i likvidacii posledstvij terrorizma i inyh tyazhkih prestuplenij [International legal and national legal framework for minimizing and eliminating the consequences of terrorism and other serious crimes]. *Vestnik RUDN. YUridicheskie nauki – Bulletin of the RUDN. legal sciences*. No. 3. Pp. 140–147. (In Russian).

Об авторе

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6113-8981, e-mail: metelkov@mail.ru

About the author

Alexander N. Metelkov, Cand. Sci. (Law), Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-6113-8981, e-mail: metelkov@mail.ru

*Поступила в редакцию: 10.08.2023
Принята к публикации: 20.08.2023
Опубликована: 30.09.2023*

*Received: 10 August 2023
Accepted: 20 August 2023
Published: 30 September 2023*

Понимание преступления, преступности, наказания в контексте циклического политогенеза Российского государства

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Исследование категорий «преступление», «преступность», «наказание» предлагается осуществлять, основываясь на методе циклического политогенеза, предполагающего выделение в истории централизованного национального Российского государства трех дискретных (не связанных общей политико-правовой традицией) циклов: монархического, советского республиканского, президентского республиканского.

В рамках названных циклов формируется собственная, качественно отличная от других концептуальность в понимании феноменов преступление и преступность, а также в определении целей и механизмов реализации уголовно-правовой ответственности в целом и уголовного наказания в частности.

Рассмотрение феноменов преступления, преступности, наказания в качестве самостоятельных элементов национальной правовой культуры, которые вследствие своей объективности не могут быть устранены путем правоприменительной деятельности государства, актуализирует проблему сосуществования государства и преступности как враждебных и вместе с тем взаимно обуславливающих явлений. В складывающихся обстоятельствах практической целью государственного противодействия преступности является ее ограничение до оценочных показателей, не представляющих существенной общественной опасности.

Ключевые слова: государство, преступление, преступность, наказание, циклический политогенез, уголовный закон, маргинальность.

Для цитирования: Ромашов Р. А. Понимание преступления, преступности, наказания в контексте циклического политогенеза Российского государства // Ленинградский юридический журнал. – 2023, – № 3 (73). – С. 61–77. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_61. EDN: RMMIIP

Understanding Crime, Criminality, Punishment in the Context of the Cyclical Politogenesis of the Russian State

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

It is proposed to study the categories crime, delinquency, and punishment based on the method of cyclic politogenesis, which involves identifying three discrete (not related to the general political and legal tradition) cycles in the history of the centralized national Russian state: monarchical, Soviet republican, presidential republican.

Within the framework of these cycles, our own conceptual framework, qualitatively different from others, is formed in understanding the phenomena of crime and delinquency, as well as in determining the goals and mechanisms for the implementation of criminal liability in general and criminal punishment in particular.

Consideration of the phenomena of crime, crime, punishment as independent elements of national legal culture, which, due to their objectivity, cannot be eliminated through the law enforcement activities of the state, actualizes the problem of the coexistence of the state and crime, as hostile and at the same time mutually determining phenomena. In the current circumstances, the practical goal of the state counteraction to crime is to limit it to estimated indicators that do not pose a significant public danger.

Key words: state, crime, criminality, punishment, cyclical politogenesis, criminal law, marginality.

For citation: Romashov, R. A. (2023). Ponimanie prestupleniya, prestupnosti, nakazaniya v kontekste ciklicheskogo politogeneza rossijskogo gosudarstva [Understanding Crime, Criminality, Punishment in the Context of the Cyclical Politogenesis of the Russian State]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3. Pp. 61–77. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_61. EDN: RMMIIP

Введение

Категории «преступление», «преступность», «наказание» являются столь же часто используемыми в юридической терминологии, что и их правовые антиподы: «закон» и «законность». Преступления так же, как и закон, представляют собой элементы культуры, не существующие в отрыве друг от друга. Более того, при помощи узаконенных средств и методов нередко осуществляются различные злоупотребления, а преступления в ряде случаев совершаются во имя достижения благих целей [6; с. 255–263]. Однако в отличие от «позитивного» права, принадлежность которого к культурному достоянию человеческой цивилизации не оспаривается практически никем, общетеоретические и культурологические аспекты понимания феноменов «преступление» и «преступность» исследованы в явно недостаточном объеме.

В статье исследование вышеназванных понятий предлагается осуществлять, основываясь на методе циклического политогенеза, предполагающего выделение в истории централизованного национального Российского государства трех дискретных (не связанных общей политико-правовой традицией) циклов: монархического, советского республиканского, президентского республиканского. Для каждого из названных циклов характерна собственная, качественно отличная от других концептуальность в понимании феноменов «преступление» и «преступность», а также в определении целей и механизмов реализации уголовно-правовой ответственности в целом и уголовного наказания в частности.

Понимание преступления, преступности, наказания в контексте циклического политогенеза российского государства

В рамках формального (узкоюридического) подхода преступление представляет собой уголовно-правовое

понятие: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Если основываться на приведенной дефиниции, то преступление – это деяние, предусмотренное в качестве такового действующим уголовным законом. В подобном контексте в отечественной юриспруденции преступление начинает пониматься не ранее середины XIX в., а именно с момента принятия первого в полном смысле этого слова кодифицированного законодательного акта «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1845), в котором была закреплена следующая дефиниция: «Преступлением ... признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано». В предшествующий период теоретическая модель преступления отсутствовала.

Дифференциация преступлений и проступков не проводилась, равно как отсутствовало отраслевое деление правонарушений. В таких известных источниках русского и российского права, как «Русская правда» (XI–XIII вв.), «Соборное уложение» (1649), «Артикул воинский» (1715), отсутствуют общие положения, в рамках которых раскрывается понятийный аппарат, используемый для характеристики как самих преступных деяний, так и ответственности за их подготовку и совершение. Понять, что речь идет о правонарушениях, можно исключительно логическим путем, используя смысловую цепочку: «противоправное деяние – негативная ответственность – наказание». При этом в одних и тех же документах рассматривались и преступления, и проступки, имеющие отношение к другим отраслям правового регулирования. В частности, в ранее упомянутом «Артикуле воинском», наряду с сугубо уго-

ловными статьями¹ содержались нормы из иных отраслей права². Кроме того, наблюдался существенный «разброс» в подходах к пониманию субъекта преступления. Вместе с физическими лицами в качестве субъектов рассматривались коллективные образования³.

Можно констатировать, что до тех пор, пока в России не была проведена уголовно-правовая кодификация, в рамках которой получила свое юридическое закрепление дефиниция преступления, в отечественной юридической практике использовался казуистический подход, в соответствии с которым преступным считалось деяние, за которое предусматривалась наиболее тяжелая юридическая ответственность (смертная казнь, членовредительство, денежная компенсация или штраф). Существовавшая неопределенность в отношении теоретической модели преступления обуславливала практическое отсутствие научных разработок в области понимания и оценки производных от феномена преступления явлений преступности, личности преступника, преступных организаций и т. п.

Проведенная в середине XIX в. кодификация уголовного законодательства предшествовала судебной реформе 1864 г., сыгравшей роль катализатора масштабных изменений в структуре и содержании механизма правового регулирования практически во всех отраслях российского права. Вторая половина XIX – начало XX в. – время, когда российская юридическая наука и правоприменительная практика активно развиваются в контексте «европейского правового дискурса». В этот период появляются первые

¹ См.: Артикул 154. Кто кого волею или нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отечь.

² См.: Артикул 169. Ежели муж женатый с женою замужнею телесно смешаетца, и прелюбодеяние учинят, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря.

³ См.: Артикул 97. Полки, или роты, которые с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть.

серьезные системные исследования в области истории и теории российской преступности. Такие авторы, как Н. А. Неклюдов, Е. Н. Анучин, Е. Н. Тарновский, П. Н. Ткачев и др., опираясь преимущественно на статистические методы анализа, пытались выстроить логически последовательную модель, в которой преступность рассматривалась как явление, объективно присущее любому обществу на любом историческом этапе его развития [1; с. 376–381]. При этом с учетом сословного структурирования населения Российской империи и преимущественно сельскохозяйственным типом экономики, предполагавшим в качестве основного типа поселений деревни и села, делался вывод о дифференциации преступности на «благородную» и «простонародную», с акцентированием внимания на формировании организованной преступности преимущественно в городских поселениях.

Системный подход к пониманию преступности имел своим следствием появление аналитических исследований, связанных с характеристикой личности преступника, а также структурированием преступной среды, в основу формирования и функционирования которой были положены устойчивые стереотипы криминальной субкультуры. Личностная характеристика преступников осуществлялась под влиянием европейских криминологов, полагающих, что человек может быть изначально наделен склонностями к совершению преступлений, которые под воздействием социального окружения могут как активизироваться, так и сдерживаться (теория Ч. Ломброзо). Признание преступного мира формой социальной организации обусловило его структурирование, в рамках которого выделялись представители криминальной элиты – «Иваны», профессиональные преступники «храпы» и «игроки», а также криминальный «плебс» – «жиганы» и «шпанка» [2].

Понимание преступности непосредственным образом влияло на организацию системы уголовных наказаний. В Российской империи уголовно-исполнительная система в функциональном аспекте руководствуется двумя основными целями: социальной изоляцией (лишением свободы) лиц, совершивших преступления, и аккультурацией окраинных владений державы. С последним была связана техника исполнения наказаний, предполагавшая по возможности максимальное удаление лиц, признанных виновными в совершении преступлений, от культурных центров. Наличие двух основных способов передвижения: сухопутного (пешего) и водного, предопределило порядок доставки осужденных к местам исполнения наказаний. Известный российский журналист В. М. Дорошевич писал: «Каторжане ... доставляются на Сахалин двумя путями: или "сплавляются" морем, через Одессу, или идут Сибирью, через Кару. Соответственно этому, каторжники делятся на "кругоболотинцев" или "галетников", и "каринцев" или "терпигорцев". Название "галетник" – название даже слегка презрительное.

– Что они там видели? Плыли да ели галеты. Только и всего!

Тогда как "каринцы" пользуются и некоторым почетом и уважением каторги. Странствуя по сибирским этапам, они натерпелись горя, почему и зовутся "терпигорцами"» [2].

С учетом огромных расстояний и примитивных средств перемещения процесс исполнения наказания в имперской России складывался из двух составляющих: следования к месту отбытия наказания и собственно пребывания в нем. Сибирский тракт, соединявший западную и восточную части Великой империи, имел протяженность около 11 тыс. км. Его использование для перемещения осужденных повлекло за собой появление народного названия «кандальный тракт». Для того чтобы закованные в кан-

дали осужденные добрались из Санкт-Петербурга в Иркутск, требовалось около двух лет, еще примерно столько же уходило на то, чтобы добраться до Сахалинского и Охотского каторжных поселений¹. С учетом названных особенностей в структуру уголовно-исполнительной системы Российской империи входили следующие виды учреждений: каторжные остроги (каторги), центральные каторжные тюрьмы (централы), пересыльные тюрьмы, исправительные арестантские отделения, арестные помещения при тюрьмах, полицейских подразделениях и мировых съездах².

Великая Октябрьская социалистическая революция стала своего рода водоразделом, поделившим традиционную культуру российского общества на два антагонистических образования: монархическое прошлое и советское настоящее. В рамках последнего подверглись качественному переосмыслению практически все основополагающие социально-культурные и политико-правовые ценности и принципы. В том числе существенным образом изменилось представление о преступности, которая в условиях «прогрессивного» советского государства рабочих и крестьян воспринималась в качестве социально-исторического анахронизма, которому, равно как и религии в обозримом будущем, должно было быть уготовано место на «свалке истории».

На первоначальном этапе советского строительства превалировал классовый подход к пониманию и структурированию преступности. Считалось, что наиболее опасной формой преступности является контрреволюционная деятельность, что же касается общеуголовной преступности, то советская власть относилась к ней двой-

¹ Великий кандалный путь [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/78447-velikiy-kandalnyy-put.html> (дата обращения: 30.08.2023).

² Ромашов Р. А. Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 85.

ственно. По отношению к злостным рецидивистам постулировалось, что они представляют опасность не столько для потерпевших, сколько для советского государства в целом. Что же касается «классово близких» уголовных элементов, совершивших преступления впервые либо неумышленно, то они считались «оступившимися», соответственно наказание рассматривалось как средство «социальной терапии», применяемое для «излечения от преступного дурмана» с последующим возвращением в «передовые ряды строителей социализма».

Состоявшийся в середине 30-х гг. XX в. переход от революционной к социалистической законности, получивший закрепление в Конституции СССР 1936 г., обусловил переосмысление феноменов «преступление» и «преступность» применительно к государственно-правовой системе «победившего социализма». Сохраняющаяся классовая природа государства и права претерпела существенные изменения применительно к пониманию преступности и карательной политики государства. Уравнивание советских граждан в конституционных правах одновременно предполагало такое же отношение в сфере уголовно-правовой ответственности как за общеуголовные, так и за политические преступления. В эпоху большого террора (1936–1938 гг.) к ответственности по печально известной 58-й статье УК РСФСР 1922 г. (контрреволюционные преступления, измена Родине, шпионаж) советские граждане привлекались, независимо от социального происхождения и правового статуса.

Осуществляемая в 30-х гг. XX в. индустриализация требовала большого числа рабочих рук. При этом государство, не желая и не имея возможности справедливо оплачивать производительный труд, пошло по традиционному для России пути широкомас-

штабного внедрения трудовой повинности в отношении представителей «недружественных» новой власти групп населения, к числу которых относились лица, осужденные за реальные и мнимые преступления. Советская социалистическая экономика на всех этапах государственного развития активно использовала труд заключенных, что, с одной стороны, обуславливало широкомасштабное использование наказаний, связанных с лишением свободы за малозначимые преступления (незначительные кражи, хулиганство, тунеядство и др.), а с другой – предполагало расположение учреждений УИС в непосредственной близости со строящимися либо функционирующими объектами производственно-хозяйственной деятельности [5; с. 348–352].

Говоря о научном понимании феноменов «преступление», «преступность», «наказание» в государстве «победившего», а впоследствии «развитого» социализма, необходимо отметить, что принятая в СССР на высшем уровне государственной власти концепция понимания и оценки преступности опиралась не на научно-криминологические положения и выводы, а на партийно-идеологические установки. В частности, один из лидеров Советского государства, Н. С. Хрущев, неоднократно заявлял о недопустимости перехода к коммунистической модели общежития при сохранении пережитков «старого времени», к числу которых относились преступники и попы [3; с. 115–119]. Требования власти полностью «искоренить» преступность обуславливали фальсификацию отчетности правоохранительных органов, что на практике приводило к негативным последствиям. «Замалчивание» проблем, связанных с противодействием преступности и прежде всего ее организованным формам, во многом обусловило «криминальный беспредел лихих 90-х», когда

вновь образованное Российское государство оказалось фактически не готовым противостоять разгулу преступности и бандитизма¹.

В современных условиях преступность воспринимается как объективное социальное явление – форма криминальной (девиантной) субкультуры, носителями которой выступают как люди с перерожденным правосознанием (представители профессиональной организованной преступности), так и многочисленные маргиналы, относящиеся к преступному поведению как к одному из возможных и нравственно допустимых средств осуществления и защиты собственных интересов [7].

Признание объективной природы преступности актуализирует проблему соотношения и взаимодействия преступности и государства. С одной стороны, государство в лице органов государственной власти и должностных лиц (государственных чиновников) квалифицирует преступные деяния как общественно вредные и стремится их предотвратить и пресечь. Соответственно, борьба с преступностью рассматривается в качестве цели государственной деятельности и одного из механизмов обеспечения национальной безопасности. Рассмотрение преступности как системной угрозы объективного характера получило свое отражение в ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), ст. 210.1 (Занятие высшего положения в преступной иерархии). Получается, что государство фактически признает существование в социальной системе общества устойчивых криминальных групп (преступных сообществ), характеризующихся иерархической структурой и подчиняющихся в своем функционировании

¹ Дьячковский С. А. Противодействие преступности в условиях новой тенденции криминальной ситуации в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань: Академия права и управления Министерства юстиции РФ. 2004. 54 с.

обязательным социальным нормам – «криминальным понятиям». При этом государство, привлекая лицо к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, тем самым фактически легализует его неформальный статус «вора в законе». С учетом действия принципа недопустимости повторного наказания за одно преступление получается, что лицо, отбывшее наказание по соответствующему обвинению и не отказавшееся от своего криминального «звания», не может быть повторно привлечено к уголовной ответственности исключительно за статусное положение.

Осознание объективной природы преступности и, как следствие, невозможности ее ликвидации как социально-культурного явления, а также признание за преступным миром способности к организации, специализации, профессионализации обуславливает выстраивание отношений, в которых открытый конфликт между конкретными субъектами (сотрудниками правоохранительных органов и субъектами подозреваемыми/обвиняемыми в совершении преступлений) сосуществует с «теневым партнерством», в рамках которого государство и преступность выступают в качестве «недружественных» субъектов, вынужденных сосуществовать в ограниченном пространстве государственной юрисдикции [4; с. 124–126]. При этом организационный аспект понимания государства и преступного мира предполагает их взаимное влияние, выражающееся в двухстороннем осуществлении оперативных мероприятий, аналогичных разведке-контрразведке в сфере межгосударственных коммуникаций.

Заключение

В заключительной части следует сформулировать ряд обобщающих выводов.

Культурологический аспект понимания преступления, преступности, наказания позволяет рассматривать их в качестве самостоятельных элементов национальной правовой культуры, которые вследствие своей объективности не могут быть устранены путем правоприменительной деятельности государства, однако могут и должны быть ограничены до показателей, не представляющих существенной общественной опасности.

Метод циклического политогенеза предполагает выделение в истории государственно-правовой системы России трех дискретных циклов (монархического/имперского, советского республиканского, президентского республиканского), являющихся формально-содержательными контекстами понимания преступления и преступности, а также определяющих особенности уголовной политики государства в сфере реализации уголовно-правовой ответственности и механизме исполнения наказаний.

Для Российской империи характерна европейская модель понимания преступления, преступности, наказания. Сельскохозяйственная модель экономики и сельско-деревенская модель поселений обусловила достаточно низкий уровень криминальной организации и профессионализации, характерной преимущественно для урбанизированной системы общежития в условиях индустриальной экономики. Вместе с тем усилившаяся во второй половине XIX в. тенденция к капитализации национальной экономики обусловила отток крестьянского населения в города с последующей его маргинализацией и криминализацией, что, в свою очередь, привело к росту организованной преступности, которая в Российской империи была представлена двумя «кластерами»: общеуголовным и политическим. Особенностью государственной пенитенциарной поли-

тики в рассматриваемый период являлось по возможности максимальное отдаление субъектов преступлений от геосоциальной сферы криминальной активности. При этом государство стремилось тем самым достичь двух целей: максимально затруднить (или сделать невозможным) возвращение лица в среду, благоприятную для криминальной деятельности; обеспечить заселение и аккультурацию «дикого востока» (по аналогии с североамериканским «диким Западом»).

Россия как советская социалистическая республика отрицала позитивный опыт имперской государственно-правовой системы. Провозглашенный в качестве основополагающего принципа мировосприятия классовый подход обусловил понимание преступления и преступности либо в качестве отмирающего архаизма – «наследия старого мира», либо как результат «тлетворного влияния гнивающего империализма». Советское общество, представленное «нерушимым союзом коммунистов и беспартийных» в своей целостности, отвергало криминал, неуклонно продвигаясь к победе коммунизма. При таком подходе невозможны были организованные и профессиональные формы преступности. Также нельзя было говорить о росте преступности, которая «должна» была неуклонно снижаться с тем, чтобы исчезнуть в коммунистическом обществе. Качественные трансформации претерпел также институт уголовного наказания. Вступление Советской России в эпоху индустриализации обусловило «промышленную революцию», в качестве значимой движущей силы которой выступали заключенные, практически бесплатно трудившиеся на всех более-менее значимых стройках социализма и представлявших важную составляющую социалистической экономики.

В современной России понимание преступления осуществляется в рамках формально-юридического

подхода, в соответствии с которым преступным является вредоносное деяние, ответственность за совершение которого закрепляется в действующем уголовном кодексе. Преступность является объективным социальным явлением, возникающим одновременно с государством и правом, а также трансформирующимся в ходе социально-культурного и политико-правового развития. Невозможность уничтожения преступности диктует необходимость выработки принципов ее сосуществования с государством. Последнее одновременно выступает в качестве инструмента противодействия преступности и социальной среды, ее порождающей. Наказание в современных условиях призвано выполнять две основные функции: собственно карательную и воспитательную. Кроме того, существенное внимание уделяется пенитенциарной ресоциализации.

Оценивая состояние современной российской уголовной политики, следует обратить внимание на дихотомию, связанную с гуманизацией отношений «внутри» государственной уголовно-исполнительной системы и дегуманизацией в сфере взаимодействия государства с гражданами, по тем или иным обстоятельствам подвергшимся уголовному преследованию. Несмотря на конституционный принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым виновным в совершении преступления человека может признать только суд, в реальности фактически виновным считается любой гражданин, в отношении которого возбужденное уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим обстоятельствам. То же самое можно сказать по отношению к лицам с погашенной или снятой судимостью. Подобная двойственность, безусловно, негативно влияет на легитимацию как системы уголовно-правовой ответственности, так и государства в целом. Последнее, по мнению значительной части

граждан, ассоциируется в первую очередь не с гарантией и защитой индивидуальных интересов, а с угрозой, подобной той, которую представляет преступность, за тем исключением, что угроза, исходящая от государства, носит неизбежный характер, так как не зря сказано: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Список литературы

1. Данчевская А. В. Уголовная преступность в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: к вопросу об историографии проблемы (дооктябрьский период) // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 5 (100). – С. 376–381.
2. Дорошевич В. М. Каторга. Южно-Сахалинск: Рубеж, 2012.
3. Курицына Е. В. Преступность в советском обществе в 1953–1964 гг. (Социально-криминологический аспект) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2007. – С. 115–119.
4. Кошелюк Б. Е. Профилактика организованной преступности: основные проблемы // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4 (37). – С. 124–126.
5. Лукин В. К. Использование труда заключенных в довоенном СССР // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – № 4 (5). – С. 348–352.
6. Ромашов Р. А. Преступность и криминогенность как предметные области философско-правового анализа // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3 (41). – С. 255–263.
7. Степаненко Р. Ф. Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и ее предупреждение. Казань. Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008.

References

1. Danchevskaya, A. V. (2015) Ugolovnaya prestupnost v Rossiyskoy imperii v kon-tse XIX – nachale KhKh v.: k voprosu ob istoriografii problemy (dooktyabrskiy period) [Criminal criminality in the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX century: on the question of the historiography of the problem (pre-October period)]. *Vestnik IrGTU – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. No. 5 (100) Pp. 376–381. (In Russian).
2. Doroshevich, V. M. (2012) Katorga. Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh [Hard labor. Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh]. (In Russian).
3. Kuritsyna, E. V. (2007) Prestupnost v sovetskom obshchestva v 1953–1964 gg. (Sotsialno-kriminologicheskii aspekt) [Crime in Soviet society in 1953–1964. (Socio-criminological aspect)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo – Proceedings of PSPU named after V. G. Belinsky*. Pp. 115–119. (In Russian).
4. Koshelyuk, B. E. (2016) Profilaktika organizovannoy prestupnosti: osnovnyye problem [Prevention of organized crime: the main problems]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology*. No. 4 (37). Pp. 124–126. (In Russian).

5. Lukin, V. K. (2015) Ispolzovanie truda zaklyuchennykh v dovoennom SSSR [The use of prisoners' labor in the pre-war USSR]. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh – Education and science in modern conditions*. No. 4 (5). Pp. 348–352. (In Russian).

6. Romashov, R. A. (2015) Prestupnost i kriminogennost kak predmetnye oblasti filosofsko-pravovogo analiza [Crime and criminogenicity as subject areas of philosophical and legal analysis]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (41). Pp. 255–263. (In Russian).

7. Stepanenko, R. F. (2008) Prestupnost lits, vedushchikh marginalnyy obraz zhizni, i ee preduprezhdenie. Kazan [Criminality of persons leading a marginal lifestyle and its prevention]. *Izdatelstvo Kazanskogo gos. un-ta – Publishing House of Kazan State University*. (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Honored Scientist of the Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 31.08.2023
Принята к публикации: 09.09.2023
Опубликована: 30.09.2023

Received: 31 August 2023
Accepted: 09 September 2023
Published: 30 September 2023

Субъективные признаки незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте

В. Г. Павлов, Г. Ю. Сокольский

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, в частности, незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте.

Проанализированы субъект и субъективная сторона рассматриваемого состава преступления. Рассмотрено действующее законодательство, устанавливающее уголовную ответственность за незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, научные точки зрения на объект исследуемого преступления, а также судебная практика. Обоснован вывод об особенностях субъекта и субъективной стороны ст. 234 УК РФ.

Состав преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, с момента принятия действующего УК РФ претерпел значительные изменения, однако это не отразилось на субъекте и субъективной стороне данного преступления. Это обстоятельство и требует дальнейшего научного осмысления.

Ключевые слова: сильнодействующие вещества, уголовная ответственность, спорт, допинг.

Для цитирования: Павлов В. Г., Сокольский Г. Ю. Субъективные признаки незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 78–92. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_78. EDN: QCRDSP

Subjective Signs of Illegal Trafficking of Potent Substances Used in Sports

Vladimir G. Pavlov, George Yu. Sokolsky

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article considers the subjective signs of a crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, potent substances used in sports.

The subject and the subjective side of the considered corpus delicti are analyzed. The current legislation establishing criminal liability for illegal trafficking of potent substances used in sports, scientific points of view on the object of the crime under investigation, as well as judicial practice are considered. The conclusion about the peculiarities of the subject and the subjective side of Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation is substantiated.

The composition of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation has undergone significant changes since the adoption of the current Criminal Code of the Russian Federation, but this has not affected the subject and the subjective side of this crime. This circumstance requires further scientific understanding.

Key words: potent substances, criminal liability, sport, doping.

For citation: Pavlov, V. G., Sokolsky, G. Yu. (2023) Sub"ektivnye priznaki nezakonnogo oborota sil'nodejstvuyushchih veshchestv, primenyaemyh v sporte [Subjective Signs of Illegal Trafficking of Potent Substances Used in Sports]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 78–92. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_78. EDN: QCRDSP

Введение

Специфика состава преступления, которое предусмотрено ст. 234 УК РФ, определяется тем, что ежегодные изменения списка сильнодействующих веществ в корне исказили ее предмет. Между тем субъективные признаки данного состава остаются неизменными.

На сегодняшний день предмет исследуемой уголовно-правовой нормы включает в себя в основном сильнодействующие вещества, применяемые в спорте [10; с. 140–141].

Для правильной квалификации таких деяний следует выделить особенности субъекта и субъективной стороны исследуемого состава.

Так, состав исследуемого общественно опасного деяния в разное время изучали многие ученые, в частности: А. Н. Байдин [1], О. А. Брусникина [2], А. Н. Песков [2], М. Г. Ермаков [4], В. В. Кухарук [7], С. М. Руднев [9], А. Б. Свистильников [9], А. В. Федоров [12], Л. Е. Чистова [13], Т. П. Юркина [14] и др.

Особенности общих признаков субъекта преступления

Субъект незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, имеет свою специфику в связи с особенностями объективных признаков состава, предусматривающего уголовную ответственность за такой оборот.

Ранее проводимые научные исследования в области незаконного оборота сильнодействующих веществ уже не отвечают современным реалиям предмета данного преступления.

За последние годы предмет изучаемого общественно опасного деяния претерпел значительные изменения, которые привели к тому, что списки сильнодействующих

веществ теперь содержат большинство препаратов, относящихся к анаболическим андрогенным стероидам.

Установлено, что большинство сильнодействующих веществ – это анаболические андрогенные стероиды, запрещенные к применению в спорте РУСАДА [10].

В соответствии со ст. 19 УК РФ указаны общие признаки субъекта преступления. При этом в данном понятии содержится три обязательных признака субъекта, а именно: он должен быть физическим лицом, обязательно вменяемым, а также достигнуть возраста уголовной ответственности.

Именно через эти три признака, как отмечают ученые, и раскрывается понятие субъекта преступления [См.: 5, с. 30; 7, с. 32].

Примером может служить приговор по уголовному делу в отношении А. А. Казакова, который незаконно сбыв сложный эфир изомера 1-тестостерона-тестостерона ацетат и смесь, содержащую станозолол¹.

Между тем судом было установлено, что К. является физическим лицом, вменяемым, а также достигшим возраста уголовной ответственности.

Следует отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации предусмотрена ответственность только физических лиц, тогда как в ряде других стран (США, Англия, Бельгия, Нидерланды, Франция и др.) уголовную ответственность может понести и юридическое лицо².

Кроме того, в ст. 1068 ГК РФ предусмотрена ответственность юридического лица за вред, который был причинен его работником³. Однако в этом случае речь

¹ См.: Уголовное дело № 1-1361/2017 // Архив Калининского районного суда Санкт-Петербурга за 2017 г.

² Уткин В. А., Шеслер А. В. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. С. 193.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. С. 348.

идет не об уголовной, а гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, следует установить, что субъектом незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, будет являться только физическое лицо.

Именно физическое лицо в соответствии с действующим уголовным законодательством будет субъектом исследуемого общественно опасного деяния. Данная особенность определяется исключительно законом и не имеет отличия от других преступлений.

Говоря о вменяемости этого физического лица, следует отметить, что субъект незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, будет иметь отличия от субъекта преступления, предусмотренного ч. 1–3 ст. 234 УК РФ.

Вопросы, касающиеся вменяемости субъекта исследуемого преступления, изучали, В. В. Кухарук, Е. Г. Шмелева, Е. Г. Ермаков, И. В. Лазенкова¹, но, как уже отмечалось ранее, предмет ст. 234 УК РФ изменился и на современном этапе развития уголовного законодательства требует нового подхода.

Личность преступника, совершающего незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, в большинстве случаев характеризуется тем, что непосредственно связана с областью спорта [См.: 1]; с. 174–175].

Так, примером могут служить преступление, совершенные спортсменом: *«В качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суд учитывает ... спортивные достиже-*

¹ См.: Кухарук В. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованным незаконным оборотом сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. С. 119–123; Шмелева Е. Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2008. С. 129–131; Ермаков Е. Г. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота сильнодействующих и ядовитых веществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2014. С. 113–118; Лазенкова И. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в целях сбыта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. С. 99–105.

ния»¹ или тренером: «с целью доведения преступного умысла до конца и продолжая свои противоправные деяния, он (М.) умышленно незаконно хранил с целью последующего сбыта указанные выше сильнодействующие вещества при себе и по месту своей работы в спортивном клубе Sport Life»².

Если говорить о вменяемости данной категории лиц, то следует заметить, что человек, занимающийся спортом, имеет отличное здоровье как физическое, так и психическое, несмотря на то, принимает ли он сам анаболические андрогенные стероиды или нет.

Данные препараты ввиду повышения уровня тестостерона могут лишь добавить смелости, чувства безнаказанности при, например, сбыте сильнодействующих веществ, применяемых в спорте.

Исследователи, разумеется, выделяют [См.: 2, с. 50] на фоне употребления анаболических андрогенных стероидов повышение агрессивности, однако такая агрессивность остается в рамках понятия вменяемости.

Исходя из этого, следует отметить, что лицо, осуществляя незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, должно находиться в состоянии вменяемости, т. е. осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний и руководить ими.

Так, Калининский районный суд Санкт-Петербурга, рассматривая уголовное дело № 1–302/2018, отметил следующее: «Оснований сомневаться в психической полноценности подсудимого суд не усматривает и признает его вменяемым»³.

¹ Уголовное дело № 1–330/2017 // Архив Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2017 г.

² Уголовное дело № 1–167/2015 // Архив Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2015 г.

³ Уголовное дело № 1–302/2018 // Архив Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2018 г.

Представляется, что такие сложные процессы, как деяния, предусмотренные объективной стороной незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, совершаются лицом, которое полностью руководит своими действиями и осознает фактический характер своих деяний.

Как и предыдущий признак, вменяемость определяется законом, однако ее специфика определена тем обстоятельством, что лицо на фоне употребления сильнодействующих веществ обладает повышенной агрессивностью, чувством безнаказанности, но это не исключает наличия данного признака.

Другим не менее важным критерием является возраст лица, совершившего подобные деяния.

В УК РФ общим возрастом уголовной ответственности установлено 16 лет.

В диспозициях отдельных статей указывается повышенный возраст уголовной ответственности как признак специального субъекта преступления.

Незаконный оборот сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, не предполагает повышенный возраст уголовной ответственности как признак специального субъекта.

Представляется, что в возрасте от 14 до 16 лет подросток, даже занимающийся спортом, плохо представляет все нюансы и разновидности анаболических андрогенных стероидов, чтобы их сбывать, не говоря уже о том, чтобы их изготавливать или перерабатывать с целью сбыта или сбыта оборудования для их изготовления или переработки.

На наш взгляд, такой признак, как возраст, соответствует современным реалиям и не нуждается в переосмыслении, так как процесс объективной стороны исследуемого преступления сложный для понимания подростками до 16 лет.

Особенности специального субъекта преступления

В науке уголовного права субъект преступления, который содержит наряду с общими еще и специальные признаки, будет определяться как специальный субъект преступления. Отсутствие таких специальных признаков приводит к отсутствию состава преступления.

Все эти признаки должны быть присущи этому лицу на момент, когда последний совершает преступление [См.: 6, с. 153].

Именно такое лицо определяется в ч. 4 ст. 234 УК РФ за нарушение правил. Это утверждение находит свое подтверждение в науке уголовного права¹.

В действительности нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки исследуемых веществ может осуществляться только лицом, на которое возложена договором обязанность соблюдения легального оборота этих веществ. Это обстоятельство подтверждают различные нормативно-правовые акты².

Отсутствие этих признаков у субъекта исключает его ответственность.

Кроме этого, следует обратить внимание на специальные признаки субъекта склонения или применения в отношении спортсмена сильнодействующих веществ. Ответственность за данные преступления предусмотрена ст. 230.1 и ст. 230.2 УК РФ.

¹ См., например: Шмелева Е. Г. Указ. соч. С. 133; Лазенкова И. В. Указ. соч. С. 107.

² См., например: Информационное письмо Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 июня 2008 года № 4406-ПХ «Об обороте сильнодействующих и ядовитых лекарственных средств» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505070022> (дата обращения 15 октября 2020 г.); Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 августа 2010 г. № 706н «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств» [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav-irkutsk.ru/deyatelnost/detail.php?ID=85151> (дата обращения 15 октября 2020 г.); Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 15 апреля 2015 № 145 «Об утверждении Правил хранения лекарственных средств для ветеринарного применения» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102379343> (дата обращения 15 октября 2020 г.) и др.

В диспозиции данных статей обозначены такие специальные признаки субъекта, как статус тренера, специалист по спортивной медицине или в области физической культуры и спорта.

Особенности вины как признака субъективной стороны

Проанализировав субъект незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, мы отдельно обратили внимание на вменяемость этого лица. Ведь только вменяемое лицо может подлежать уголовной ответственности.

Далее следует остановиться на субъективной стороне исследуемого преступления, которая понимается как психическая деятельность, связанная с совершением общественно опасного деяния.

Ее содержание определяется такими признаками, как вина и цель. Именно они имеют важное значение для того, чтобы квалифицировать это преступление. Вина является основным и обязательным признаком субъективной стороны преступления [8; с. 10–11]. Вина характеризует психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и наступившим в результате последствиям¹. Так, по конструкции объективной стороны ч. 1–3 ст. 234 УК РФ относятся к формальным составам. Интеллектуальный элемент вины исследуемого преступления включает в себя осознание общественной опасности совершаемых деяний, т. е. лицо, понимая, что эти вещества изъяты из свободного оборота, а совершение с ними деяний, указанных в диспозиции, наносит ущерб различным общественным отношениям, вопреки всему осуществляет эти деяния.

¹ Уткин В. А., Шеслер А. В. Указ. соч.

Волевой же элемент заключается в достигнутой и желаемой возможности и неизбежности их совершения.

Так, А. имел умысел на совершение преступлений в сфере незаконного оборота сильнодействующих веществ и желал наступления преступных последствий¹.

Незаконный оборот сильнодействующих веществ может совершаться только с прямым умыслом, что находит свое подтверждение у других исследователей².

Такой признак, как вина, будет являться обязательным при незаконном обороте сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, и выражаться исключительно в прямом умысле.

Представляется, что такое преступление не может иметь какую-либо иную форму, будь то косвенный умысел или разновидности неосторожности.

Особенности отдельных признаков субъективной стороны

Кроме вины в виде прямого умысла, обязательным признаком субъективной стороны ч. 1–3 ст. 234 УК РФ является специальная цель.

Именно в диспозиции ч. 1 ст. 234 УК РФ обозначена такая специальная цель, как сбыт.

Например, хранение с целью сбыта: Р. незаконно хранил с целью незаконного последующего сбыта смесь, содержащую оксиметолон³.

Приобретение с целью сбыта: К. незаконно приобрел с целью последующего незаконного сбыта местеролон⁴.

¹ См.: Уголовное дело № 1-188/2015 // Архив Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2015 г.

² См.: Кухарук В. В. Указ соч.; Шмелева Е. Г. Указ. соч.; Ермаков Е. Г. Указ соч.; Лазенкова И. В. Указ. соч.

³ См.: Уголовное дело № 1-276/2019 // Архив Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2019 г.

⁴ См.: Уголовное дело № 1-833/2014 // Архив Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2014 г.

Так как цель преступления тесно связана с мотивом, который в диспозиции ч. 1 ст. 234 УК РФ не указан, следует отметить, что он может иметь разный характер, однако Е. Г. Шмелева отмечает, что они «в большинстве случаев являются корыстными, т. е. стремление к обогащению, жажда наживы, стремление удовлетворить нужды, материальные потребности, получить для себя пользу»¹.

Так, К., действуя умышленно и из корыстных побуждений, незаконно сбыв смесь, содержащую метил-тестостерон².

Сложнее представить себе мотивы и цели преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 234 УК РФ, и для того чтобы их выделить, следует понять форму вины данного общественно опасного деяния. Так, например, А. В. Наумов субъективную сторону деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 234 УК РФ, характеризует двойной формой вины³.

А. В. Федоров же относительно этого состава указывает на то, что имело место именно умышленное нарушение правил и после наступления последствий, указанных в диспозиции, субъективная сторона преступления характеризуется неосторожностью, что указано в ч. 4 ст. 234 УК РФ [12, с. 21].

На наш взгляд, субъективная сторона данного состава преступления характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности по отношению к наступлению указанных в диспозиции последствий, а именно хищение либо причинение иного существенного вреда.

Таким образом, мотив и цель субъективной стороны неосторожного преступления выделить достаточно сложно,

¹ Шмелева Е. Г. Указ. соч.

² См.: Уголовное дело № 1–490/2019 // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга за 2019 г.

³ Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: Комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: ВолтерсКлувер, 2005. С. 142.

поскольку в науке уголовного права нет единого мнения по этому поводу¹.

Не вдаваясь в научную дискуссию о мотивированности неосторожного преступления, отметим, что мотив и цель преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 234 УК РФ, могут быть самыми различными.

Заключение

Специфика состава незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте, вызвана не только сложностью и многогранностью предмета и объекта данного преступления, но и особенностями субъективных признаков, таких как обязательная цель сбыта.

Эти особенности лежат в основе правильной квалификации данных преступлений, так как без наличия такого обязательного признака, как цель сбыта, нельзя привлечь к уголовной ответственности по ч. 1–3 ст. 234 УК РФ.

Между тем в правоприменительной практике выявление такой цели создает препятствия, и привлечение к уголовной ответственности возможно лишь тогда, когда субъект осуществляет данный сбыт. Такие деяния, как пересылка и перевозка или изготовление и переработка, а особенно приобретение и хранение, делают процесс доказывания цели сбыта труднореализуемым.

Субъект же преступления имеет свои характерные особенности для этого состава на современном этапе развития законодательства в области противодействия незаконному обороту сильнодействующих веществ, применяемых в спорте. Именно особенности субъекта данного преступления (не только уголовно-правовые, но и криминологические) могут способствовать установлению цели сбыта.

¹ Печников Н. П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России: Курс лекций. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического у-та, 2009. С. 5.

Все это в комплексе не только объективных, но и субъективных признаков позволяет сделать вывод о наличии (или отсутствии) такого специального признака субъективной стороны, как цель сбыта, а вместе с тем и состава преступления в целом.

Данные вопросы требуют дальнейшего научного осмысления в рамках не только уголовного права, но и других наук.

Список литературы

1. Байдин А. Н. История развития российского уголовного законодательства о борьбе с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ // Общество и право. – 2010. – № 2. – С. 125–129.
2. Брусникина О. А., Песков А. Н. Практика применения допинга в профессиональном спорте и последствия для здоровья спортсменов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 31. – С. 41–54.
3. Ермаков М. Г. Свойства сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 3. – С. 62–66.
4. Кухарук В. В. Субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте, в уголовном законе // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 42–51.
5. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву: монография. – М.: Госюриздат, 1958. – 260 с.
6. Павлов В. Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом: монография. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. – 374 с.
7. Павлов В. Г. Учение о субъекте преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 372 с.
8. Рагоз А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений: монография. – М.: Профобразование, 2001. – 134 с.
9. Руднев С. М., Свистильников А. Б. К вопросу причинения вреда здоровью от незаконного оборота сильнодействующих веществ // Вестник БелЮИ МВД России. – 2019. – № 4. – С. 44–48.
10. Сокольский Г. Ю., Современное состояние предмета преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, как основание для совершенствования уголовного законодательства // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 4 (66). – С. 138–151.
11. Сокольский Г. Ю., Аксенов Д. В. Некоторые криминологические вопросы незаконного оборота сильнодействующих веществ, применяемых в спорте // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 1 (63). – С. 167–180.
12. Федоров А. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) // Наркоконтроль. – 2007. – № 1. – С. 11–22.
13. Чистова Л. Е. Незаконный сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 4. – С. 135–140.
14. Юркина Т. П. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота допинга // Вестник ОмГУ. Серия Право. – 2013. – № 1 (34). – С. 222–224.

References

1. Bajdin, A. N. (2010) Istoriya razvitiya rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva o bor'be s nezakonnym oborotom sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv [The history of the development of Russian criminal legislation on combating illicit trafficking of potent and toxic substances]. *Obshchestvo i pravo – Society and law*. No. 2. Pp. 125–129. (In Russian).
2. Brusnikina, O. A., Peskov, A. N. (2014) Praktika primeneniya dopinga v professional'nom sporte i posledstviya dlya zdorov'ya sportsmenov [The practice of doping in professional sports and the consequences for the health of athletes]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' – National Interests: Priorities and Security*. No. 31. Pp. 41–54. (In Russian).
3. Ermakov, M. G. (2012) Svoystva sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv (st. 234 UK RF) [Properties of potent and poisonous substances (Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. No. 3. Pp. 62–66. (In Russian).
4. Kuharuk, V. V. (2018) Substancii i (ili) metody, zapreshchennye dlya ispol'zovaniya v sporte, v ugovolnom zakone [Substances and (or) methods prohibited for use in sports, in criminal law]. *Pravo i politika – Law and politics*. No. 5. Pp. 42–51. (In Russian).
5. Orlov, V. S. (1958) *Sub'ekt prestupleniya po sovetскому ugovolnomu pravu: Monografiya* [The subject of a crime under Soviet criminal law: Monograph]. Moscow: Gosyurizdat. (In Russian).
6. Pavlov, V. G. (2011) *Kvalifikaciya prestuplenij so special'nym sub'ektom: Monografiya* [The doctrine of the subject of crime: Monograph]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr-Press. (In Russian).
7. Pavlov, V. G. (2015) *Uchenie o sub'ekte prestupleniya: Monografiya* [The doctrine of the subject of crime: Monograph]. Moscow: Yurlitinform. (In Russian).
8. Rarog, A. I. (2001) *Sub'ektivnaya storona i kvalifikaciya prestuplenij: Monografiya* [Subjective side and qualification of crimes: Monograph]. Moscow: Profobrazovanie. (In Russian).
9. Rudnev, S. M., Svistil'nikov, A. B. (2019) K voprosu prichineniya vreda zdorov'yu ot nezakonnogo oborota sil'nodejstvuyushchih veshchestv [On the issue of causing harm to health from illegal trafficking of potent substances]. *Vestnik BelYul MVD Rossii – Vestnik of the Belgorod law institute of the Ministry of internal affairs of Russia*. No. 4. Pp. 44–48. (In Russian).
10. Sokol'skij, G. Yu. (2021) Sovremennoe sostoyanie predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 234 UK RF, kak osnovanie dlya sovershenstvovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva [The current state of the subject of the crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation as a basis for improving criminal legislation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (66). Pp. 138–151. (In Russian).
11. Sokol'skij, G. Yu., Aksenov, D. V. (2021) Nekotorye kriminologicheskie voprosy nezakonnogo oborota sil'nodejstvuyushchih veshchestv, primenyaemyh v sporte [Some criminological issues of illegal trafficking of potent substances used in sports]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (63). Pp. 167–180. (In Russian).
12. Fedorov, A. V. (2007) Ugovolnaya otvetstvennost' za nezakonnij oborot sil'nodejstvuyushchih ili yadovityh veshchestv (st. 234 UK RF) [Criminal liability for illegal trafficking of potent or poisonous substances (Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Narkokontrol' – Narkokontrol*. No. 1. Pp. 11–22. (In Russian).
13. Chistova, L. E. (2013) Nezakonnij sbyt sil'nodejstvuyushchih i yadovityh veshchestv [Illegal sale of potent and poisonous substances]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. Pp. 135–140. (In Russian).

14. Yurkina, T. P. (2013) Ugolovno-pravovaya ocenka nezakonnogo oborota doping [Criminal and legal assessment of illegal trafficking in doping]. *Vestnik OmG U. Seriya Pravo – Herald of Omsk University. Series "Law"*. No. 1 (34). Pp. 222–224. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

Об авторах

Павлов Владимир Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlov-vladimir45@mail.ru

Сокольский Георгий Юрьевич, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0109-2424, e-mail: 9964998@gmail.com

About the authors

Vladimir G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlov-vladimir45@mail.ru

George Yu. Sokolsky, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-0109-2424, e-mail: 9964998@gmail.com

Поступила в редакцию: 18.08.2023

Принята к публикации: 01.09.2023

Опубликована: 30.09.2023

Received: 18 August 2023

Accepted: 01 September 2023

Published: 30 September 2023

Общие условия формирования доказательств в ходе предварительного расследования и в суде: понятие, тенденции

М. Ю. Павлик¹, О. А. Чабукиани¹, О. Р. Шепелёва²

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрена деятельность следователя, дознавателя и судьи, связанная с получением доказательств по уголовному делу. Анализ полномочий следователя и дознавателя по формированию доказательств в досудебном производстве, а также судьи при разрешении уголовного дела по существу позволяет сделать вывод о том, что они близки в части собирания, проверки и оценки доказательств, достаточных для вынесения законного, справедливого, обоснованного и мотивированного окончательного решения. В статье делается вывод о том, что формирование доказательств должно отвечать общим условиям, среди которых выделяются: соблюдение правил подследственности и подсудности (правило должного субъекта); место начала и окончания следственной деятельности (правило уголовного преследования); непосредственность исследования доказательств субъектом формирования доказательств (правило непосредственности); фиксация результатов собирания доказательств в ходе следственной деятельности (правило признания доказательств); решение вопросов о применении мер уголовно-процессуального принуждения, принятие мер попечения о детях, иждивенцах участников процесса и мер по обеспечению сохранности их имущества (правило должных условий формирования доказательств); правила соединения уголовных дел и выделения уголовного дела в отдельное производство (правило всесторонности и объективности); возможность неразглашения данных следственной деятельности (правило соблюдения тайн). Отмечается, что признание единых общих условий по формированию доказательств будет способствовать решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Ключевые слова: следственная деятельность, следователь, дознаватель, судья, предварительное следствие, судебное следствие, общие условия предварительного расследования, общие условия судебного разбирательства, формирование доказательств.

Для цитирования: Павлик М. Ю., Чабукиани О. А., Шепелёва О. Р. Общие условия формирования доказательств в ходе предварительного расследования и в суде: понятие, тенденции // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 93–107. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_93. EDN: DDALST

General Conditions for the Formation of Evidence During the Preliminary Investigation and in Court: Concept, Trends

Michail Yu. Pavlik¹, Oksana A. Chabukiani², Olga R. Shepeleva²

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the activities of the investigator, the inquirer and the judge related to the preparation of evidence in a criminal case. An analysis of the powers of the investigator and the inquirer to form evidence in pre-trial proceedings, as well as the judge in resolving a criminal case on the merits, allows us to conclude that they are close in terms of collecting, checking and evaluating evidence sufficient to make a legitimate, fair, reasonable and motivated final decision. The article concludes that the formation of evidence must meet the general conditions, among which stand out: compliance with the rules of investigation and jurisdiction (the rule of the proper subject); the place of the beginning and end of investigative activity (the rule of criminal prosecution); the immediacy of the study of evidence by the subject of evidence formation (the rule of immediacy); fixing the results of evidence collection during the investigation activities (the rule of recognition of evidence); resolving issues on the application of measures of criminal procedural coercion, taking care of children, dependents of participants in the process and measures to ensure the safety of their property (the rule of proper conditions for the formation of evidence); rules for combining criminal cases and separating criminal cases into separate proceedings (the rule of comprehensiveness and objectivity); the possibility of non-disclosure of investigative data (the rule of compliance secrets). It is noted that the recognition of uniform general conditions for the formation of evidence will contribute to solving the problems facing criminal proceedings.

Key words: investigative activity, investigator, inquirer, judge, preliminary investigation, judicial investigation, general conditions of preliminary investigation, general conditions of trial, formation of evidence.

For citation: Pavlik, M. Yu., Chabukiani, O. A., Shepeleva, O. R. (2023) Obshchie usloviya formirovaniya dokazatel'stv v hode predvaritel'nogo rassledovaniya i v sude: ponyatie, tendencii [General Conditions for the Formation of Evidence During a Preliminary Investigation and in Court: Concept, Trends]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 93–107. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_93. EDN: DDALST

Введение

Следственные мероприятия – это исторически сформированная профессиональная деятельность [1, с. 261], неразрывно связанная с основными функциями уголовного процесса, определяющими модель его построения.

В абсолютном большинстве источников процессуалисты рассматривают данный вид деятельности исключительно как способ установления следователем, дознавателем тех обстоятельств, которые подлежат доказыванию при расследовании уголовного дела. Такой подход позволил расширительно толковать данный вид деятельности. Однако понятия «следственная деятельность» и «действия следователя» нетождественные. Ведь в ином случае при рассмотрении различных типов уголовного судопроизводства пришлось бы полностью отказаться от следственного процесса, характерного для отечественного законодательства начала XIX в. [12; с. 120–122].

Не вдаваясь в дискуссию относительно содержания следственной деятельности, основываясь в том числе на ранее проведенных исследованиях [13; с. 124–126], делаем вывод о том, что этот вид деятельности имеет собственные задачи – формирование доказательств, достаточных для вынесения законного и обоснованного решения, т. е. позволяющих констатировать соответствие выводов субъекта, в производстве которого находится уголовное дело, о фактах и обстоятельствах совершенного общественного деяния, их уголовно-правовой оценке.

Формирование доказательств, на основе которых могут быть сделаны данные выводы, осуществляется не только дознавателем и следователем в ходе предварительного расследования, но и судьей при рассмотрении уголовного дела на судебном следствии.

Поэтому в рамках отечественного законодательства следует выделять этапы следственной деятельности:

предварительный (осуществляет дознаватель, следователь) и судебный (осуществляет судья в ходе судебного следствия).

Сам факт собирания доказательств не свидетельствует о том, что полученная информация приобрела статус доказательства. Согласно с мнением авторов, констатирующих важность удостоверительного характера. Законодательно данное требование закреплено в ст. 86 УПК РФ, где предусмотрено, что дознаватель, следователь, прокурор, суд (ч. 1), защитник (ч. 3) собирают доказательства; подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители (ч. 2) собирают и предоставляют документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Вместе с тем признание их в качестве доказательств будет зависеть от участника уголовного судопроизводства, в производстве которого находится уголовное дело [11, с. 19].

Однако следует отметить, что не все участники уголовного судопроизводства, обладающие возможностью предоставления информации, имеющей доказательственное значение, указаны в ст. 86 УПК РФ. Упущены иные участники и орган дознания, не предусмотрено предоставление информации на электронных носителях [4, с. 107]. Если отсутствие первых предопределено, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть стремление соблюдения элементов состязательности, равноправия сторон в предоставлении доказательств, то второе упущение связано с техническими достижениями и активно обсуждается в научной литературе в связи с процессами цифровизации [11; с. 18–19].

Придание информации, полученной в ходе расследования и разрешения уголовного дела, силы доказательства названными субъектами должно осуществляться

в строгом соответствии с общими условиями собирания (придания юридической силы) доказательств [2]. Официальное признание доказательств дает возможность судье при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением основывать свое решение на доказательствах, не оспариваемых сторонами, собранных в ходе предварительного следствия или дознания.

Общепризнанно, что общие условия предварительного расследования – это закрепленные в гл. 21 УПК РФ правила расследования уголовного дела, регламентирующие порядок деятельности субъекта, в производстве которого находится данное уголовное дело.

Проблемы общих условий предварительного расследования в своих работах рассматривали многие процессуалисты: А. Р. Белкин, Н. А. Власова, В. Н. Григорьев, З. З. Зинатуллин, В. И. Качалов, В. А. Михайлов, Н. В. Османова, Т. Д. Пан, А. П. Рыжаков, М. С. Салахов, А. В. Селютин, А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева, Л. Д. Чулюкин, Ю. К. Якимович и др.

Вопросам общих условий судебного разбирательства в своих работах уделили внимание С. С. Безруков, А. А. Васяев, К. Б. Калиновский, О. В. Левченко, Д. А. Мезинов, А. А. Мурадов, С. Л. Нудель, С. В. Потапенко, А. А. Сеньков, А. В. Смирнов, Ю. Г. Овчинников и другие ученые-юристы.

Тематика фундаментальных работ, связанных с общими условиями предварительного расследования и судебного разбирательства, позволяет сделать вывод, что все эти правила направлены на одну цель – обеспечить формирование доказательств, позволяющих вынести законное, обоснованное, мотивированное и справедливое итоговое решение при расследовании и разрешении уголовного дела, дав объективную уголовно-правовую оценку совершенному общественно опасному деянию.

Результаты

Изучая перечень общих условий в статьях гл. 21 и 35 УПК РФ, приходится констатировать различия в правилах, отнесенных в перечень общих условий деятельности следователя и суда. Это приводит к потере единой направленности деятельности должностных лиц в ходе уголовного судопроизводства по формированию доказательств, разрывает логичность построения задач стадий досудебного производства и судебного разбирательства.

На наш взгляд, правила придания информации, имеющей значение для уголовного дела доказательственного значения, должны быть общими как в досудебном, так и судебном производстве. При анализе прослеживается их общность в следующем:

1) правила подследственности и подсудности, которые определяют должного субъекта, придающего получаемой от сторон информации юридической силы доказательства (правило должного субъекта). Законодателем правила подследственности в УПК РФ закреплены с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния (ст. 150, 151 УПК РФ). Данный подход позволяет следователям и дознавателям различных ведомств расследовать одни и те же категории преступлений с учетом задач, стоящих перед этими ведомствами. Кроме того, такое закрепление способствует более быстрой и качественной работе следователей и дознавателей. Вместе с тем, учитывая разграничение уголовных дел, подсудных мировым судьям, судам общей юрисдикции и Верховному суду субъектов РФ, предлагаем разграничить уголовные дела между следователем и дознавателем именно с учетом правил распределения уголовных дел между судами (ч. 1 ст. 31 УПК РФ). Иными словами, расследование в форме дознания должно осуществляться только по уголовным делам, подсудным

мировому судье, а в форме предварительного следствия – подсудным судам общей юрисдикции и Верховному суду субъектов РФ. Такое разделение поможет разрешить имеющиеся проблемы отнесения преступлений к подсудности мировых судов [7], существенно разделить полномочия следователя и дознавателя, изменив требуемый объем доказательств по уголовным делам, расследуемым в форме дознания и предварительного следствия. Также, учитывая порядок и условия определения количества мировых судей на конкретном участке, учитывая количество уголовных дел, по законодательной инициативе соответствующего субъекта РФ, согласованной с Верховным судом РФ, количество мировых судей может быть как увеличено, так и сокращено. Это поможет своевременно реагировать на количество мировых судей с учетом имеющейся нагрузки;

2) место начала и окончания следственной деятельности (правило уголовного преследования). В соответствии с действующим российским уголовно-процессуальным законодательством место и начало расследования уголовного дела определяется местом совершения преступления (ст. 152 УПК РФ). Если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом, то следственная деятельность осуществляется по месту окончания расследования. Если преступление было совершено в разных местах, то по решению вышестоящего руководителя следственного органа уголовное дело расследуется по месту совершения большинства преступлений или наиболее тяжкого из них (ч. 3 ст. 152 УПК РФ). Практически такой же подход законодателя наблюдается и в судебной деятельности (ст. 32 УПК РФ). В целях определения общих условий как для следственной, так и для судебной деятельности единые правила целесообразно закрепить в гл. 35 УПК РФ. Определяем это именно пра-

вилом уголовного преследования, так как производство по уголовному делу должно гарантировать изобличение лица, совершившего преступление, и привлечение его к ответственности при достаточном количестве доказательств [10, с. 151]. Окончание следственной деятельности также должно определяться правилами целесообразности (например, возможность изменения места привлечения к ответственности и осуждения (ч. 4.1 ст. 152, ч. 4 ст. 32 УПК РФ)), рациональности, экономии;

3) непосредственность исследования доказательств субъектом формирования доказательств (правило непосредственности). В части судебного разбирательства следует помнить, что оглашение ранее даваемых участниками показаний без непосредственного их получения в ходе судебного следствия допускается только в исключительных случаях (решение КС РФ от 28 марта 2017 г. № 528-О). В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», решение суда должно основываться только на доказательствах, которые непосредственно исследованы в процессе судебного заседания. Согласно с позицией С. Л. Нуделя и С. С. Безрукова о том, что при отсутствии возможности «оспорить показания свидетеля или потерпевшего на стадии предварительного расследования целесообразно не допустить оглашение этих показаний в суде» [8, с. 58]. Также необходимо, на наш взгляд, чтобы следователь и дознаватель в досудебном производстве имели возможность непосредственно воспринимать информацию, имеющую значение для уголовного дела. Мы категорически против имеющих место в практике оформления «негласных» (специальных) следственных действий, позволяющих без должной проверки со стороны дознавателя, следователя ввести в категорию доказательств информацию,

лично не воспринимаемую субъектом формирования доказательств. На сегодняшний день в юридической литературе гарантией непосредственности предлагается введение должности следственного судьи [2], который в случае невозможности участника явиться на судебное разбирательство мог бы допросить его по правилам осуществления правосудия, предоставив противоположной стороне право задать вопросы такому участнику. В этом случае формирование доказательства состоялось бы с соблюдением всех правил. При решении вопроса об оглашении показаний такого участника в ходе судебного следствия судья достоверно бы знал, что право задать вопросы изобличающему лицу было фактически предоставлено. Следственный судья мог бы помочь и при формировании доказательств защитнику (адвокату) в случае, если следователь, дознаватель откажут ему в удовлетворении ходатайства о предоставлении доказательства для приобщения к уголовному делу. Тем самым было бы гарантировано право предоставления доказательств при рассмотрении уголовного дела стороной защиты в полном объеме;

4) обязательность фиксации результатов следственной деятельности (правило признания доказательств). Формирование доказательств в обязательном порядке требует должного процессуального закрепления хода, последовательности действий и фиксации получаемой информации. Не вызывает споров тот факт, что когда составляются документы, у участников уголовного судопроизводства, присутствующих при таких действиях, появляется возможность реализовывать право жаловаться на действие (бездействие) должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело. Появляется также право делать устные заявления, подлежащие обязательному занесению в протокол, обращаться с хода-

тайством к следователю или дознавателю о проведении процессуальных действий или принятии процессуальных решений (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). Согласно с А. А. Васяевым [3, с. 329] в том, что с учетом происходящей цифровизации государственной и общественной жизни, запуском функционирования системы «Электронное правосудие», изменением способов получения доказательств (в том числе с использованием видеоконференцсвязи) следует говорить об имеющихся тенденциях трансформации общих условий. Но при изменении формы фиксации содержание и требования к получению информации, имеющей доказательственное значение, должны соответствовать принципам уголовного судопроизводства [5; 11];

5) решение вопросов о применении мер уголовно-процессуального принуждения, мер попечения о детях, иждивенцах участников процесса и мер по обеспечению сохранности их имущества (правила должных условий формирования доказательств) должны быть предметом своевременного рассмотрения не только следователя, но и дознавателя, суда. Должностные лица обязаны руководствоваться положениями Семейного кодекса РФ, Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», должны учитывать при принятии решений факт добровольности и согласия третьих лиц по возложению на себя контроля в отношении иждивенцев [9; с. 97–102] или имущества. Считаем, что в целях обеспечения прав всех участников, должной защиты лиц, находящихся на иждивении, и их имущества следует предусмотреть в обязанностях дознавателя, следователя и судьи такие действия не только в отношении подозреваемого, обвиняемого, но и потерпевшего, свидетеля, если вопросы

прав иждивенцев или охраны имущества возникли в связи с производством по уголовному делу;

б) порядок соединения уголовных дел и выделения уголовного дела (правило всесторонности и объективности). На сегодняшний день, несмотря на большое количество исследований, проводимых по указанному условию, дискуссия остается, а с введением новых участников (ст. 56.1 УПК РФ) еще более разжигается. Вопросами соединения уголовных дел и выделения уголовного дела занимались: И. М. Алексеев, Е. Н. Арестова, К. Ф. Багаутдинов, И. Г. Башинская, С. А. Денисов, М. А. Зеленский, В. В. Кальницкий, А. М. Каминский, Н. В. Османова, А. В. Павлов, В. А. Рязанцев, В. Ю. Стельмах, Д. А. Черкасов и др. Так, предлагается расширить имеющийся перечень выделения уголовного дела в отношении лица при направлении в суд ходатайства о назначении судебного штрафа [6; с. 110–112], а также лица, в отношении которого принимается решение о применении принудительных мер медицинского характера;

7) возможность неразглашения данных следственной деятельности (правило соблюдения тайн). Недопустимость разглашения данных предварительного расследования предусмотрена ст. 161 УПК РФ. Такая тайна не абсолютна. Пределы гласности определяет орган предварительного расследования и в последующем требует разрешения вопроса о продолжении сохранения в тайне при поступлении уголовного дела в суд. При проведении судебной следственной деятельности предусмотрена возможность закрытого судебного разбирательства.

Заключение

Таким образом, следственная деятельность как в ходе предварительного расследования, так и в судебном следствии должна отвечать общим правилам. На сегодняшний день нет единых критериев отнесения правил

конкретно к полномочиям субъекта формирования доказательств, но они могут гарантировать приведение к единым правилам формирования доказательств, могут изменить подход к формированию доказательств и основным функциям уголовного судопроизводства, влияющим на достижение состязательности. На наш взгляд, формирование доказательств должно строиться на единых правилах (общих условиях), которые помогут обеспечить придание получаемой участниками информации и предоставляемым объектам, имеющим значение для уголовного дела, процессуального значения доказательств. Цифровизация уголовного судопроизводства, разнообразие участников, выступающих источниками информации по уголовному делу, расширение непроцессуальных способов обнаружения следов преступления должны учитываться при последующем реформировании законодательства и правоприменении.

Список литературы

1. Адигамоват Г. З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 2. – С. 261–263. EDN: SFBTFL
2. Брянская Е. В. Сила доказательств и тактика аргументации в процессе доказывания по уголовному делу. – М.: Проспект, 2023. – 368 с. EDN: BCFIHG
3. Васяев А. А. Трансформация общих условий судебного разбирательства // Современный ученый. – 2022. – № 3. – С. 328–332. EDN: HTYSMD
4. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Собираание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3 (47). – С. 106–114. EDN: YKWUKL
5. Зуев С. В., Овсянников Д. В. Копирование электронной информации в теории и практике уголовного процесса // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11–2 (122). – С. 168–173. EDN: TFBKRR
6. Кальницкий В. В., Павлов А. В. Выделение уголовного дела как условие возбуждения ходатайства о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Уголовное право. – 2018. – № 2. – С. 109–114. EDN: UPQVXN
7. Кондрашин П. В. Вопросы предметной подсудности уголовных дел // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 5. – С. 152–156. EDN: YUPIKV

8. Нудель С. Л., Безруков С. С. Проблемы оглашения показаний потерпевшего и свидетеля в ходе судебного разбирательства // Научный портал МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 55–59. EDN: YRAEDZ

9. Осипова Т. В. Меры попечения о детях, оставшихся без присмотра и помощи в связи с задержанием или заключением под стражу законного представителя // Преступность в России: проблемы реализации закона и правоприменения: сборник научных трудов / под ред. В. А. Авдеева. – Иркутск: Изд-во Байкальского государственного университета. – 2015. – С. 97–102. EDN: VJRJWB

10. Павлик М. Ю., Чабукиани О. А., Шепелева О. Р. Соотношение уголовного преследования и предварительного расследования // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 148–158. EDN: EOXPOL

11. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальное доказывание – совокупность познавательных-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 16–23. EDN: WYIDKM

12. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса: монография. – СПб.: Наука, 2000. – 224 с. EDN: WOHGFP

13. Чабукиани О. А. Теория следственной деятельности как часть теории уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 124–126. EDN: TKONOJ

References

1. Adigamovat, G. Z. (2014) Pravovye, organizatsionnye i intellektualno-modeliruyushchie aspekty sledstvennoi deyatel'nosti [Legal, organizational and intellectual-modeling aspects of investigative activity]. *Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. No. 2. Pp. 261–263. EDN: SFBTFL (In Russian).

2. Bryanskaya, E. V. (2023) *Sila dokazatel'stv i taktika argumentatsii v protsesse dokazyvaniya po ugovolnomu delu* [The strength of evidence and the tactics of argumentation in the process of proving a criminal case]. Moscow: Prospekt. EDN: BCFIHG (In Russian).

3. Vasyaev, A. A. (2022) Transformatsiya obshchikh uslovii sudebnogo razbiratel'stva [Transformation of the general conditions of the trial]. *Sovremennyyi uchenyi – Modern Scientist*. No. 3. Pp. 328–332. EDN: HTYSMD (In Russian).

4. Gavrilin, Yu. V., Pobedkin, A. V. (2018) Sobiranie dokazatel'stv v vide svedenii na elektronnykh nositelyakh v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: neobkhodimo sovershenstvovanie protsessualnoi formy [Collecting evidence in the form of information on electronic media in criminal proceedings in Russia: it is necessary to improve the procedural form]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (47). Pp. 106–114. EDN: YKWUKL (In Russian).

5. Zuev, S. V., Ovsiannikov, D. V. (2014) Kopirovanie elektronnoi informatsii v teorii i praktike ugovol'nogo protsesssa [Copying electronic information in theory and practice of criminal procedure]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. No. 11–2 (122). Pp. 168–173. EDN: TFBKRR (In Russian).

6. Kalnitskii, V. V., Pavlov, A. V. (2018) Vydelenie ugovol'nogo dela kak uslovie vzbuzhdeniya khodataistva o prekrashchenii ugovol'nogo presledovaniya s naznacheniem sudebnogo shtrafa [Isolation of a criminal case as a condition for initiating a petition for termination of criminal prosecution with the appointment of a court fine]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*. No. 2. Pp. 109–114. EDN: UPQVXN (In Russian).

7. Kondrashin, P. V. (2022) Voprosy predmetnoi podsudnosti ugovolnykh del [Questions of the subject jurisdiction of criminal cases]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo – Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*. No. 5. Pp. 152–156. EDN: YYPIKV (In Russian).
8. Nudel, S. L., Bezrukov, S. S. (2018) Problemy oglasheniya pokazanii poterpevshego i svidetelya v khode sudebnogo razbiratelstva [Problems of reading out the testimony of the victim and witness during the trial]. *Nauchnyi portal MVD Rossii – Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (43). Pp. 55–59. EDN: YRAEDZ (In Russian).
9. Osipova, T. V. (2015) Mery popecheniya o detyakh, ostavshikhsya bez prismo-tra i pomoshchi v svyazi s zaderzhaniem ili zaklyucheniem pod strazhu zakonno-go predstavatelya [Measures of care for children left without supervision and assistance in connection with the detention or detention of a legal representative]. *Prestupnost v Rossii: problemy realizatsii zakona i pravoprimereniya* [Crime in Russia: problems of implementation of the law and law enforcement]. Collection of proceedings. Irkutsk: Izd-vo Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 97–102. EDN: VJRJWB (In Russian).
10. Pavlik, M. Yu., Chabukiani, O. A., Shepeleva, O. R. (2022) Sootnoshenie ugovol-nogo presledovaniya i predvaritelnogo rassledovaniya [Correlation of criminal prosecution and preliminary investigation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (70). Pp. 148–158. EDN: EOXPOL (In Russian).
11. Rossinskii, S. B. (2023) Ugolovno-protsessualnoe dokazyvanie – sovokup-nost poznavatelno-udostoveritelnykh priemov i argumentatsionno-logicheskikh operatsii [Criminal procedural proof – a set of cognitive-certifying techniques and argumentative-logical operations]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (65). Pp. 16–23. EDN: WYIDKM (In Russian).
12. Smirnov, A. V. (2000) *Modeli ugovolnogo protsesssa: monografiya* [Models of criminal procedure: monograph]. Saint Petersburg: Nauka. EDN: WOHGFP (In Russian).
13. Chabukiani, O. A. (2015) Teoriya sledstvennoi deyatel'nosti kak chast teorii ugovolnogo protsesssa [Theory of investigative activity as part of the theory of criminal procedure]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1. Pp. 124–126. EDN: TKONOJ (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

40/30/30 %

Об авторах

Павлик Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2061-2525, e-mail: pavlik-mu@mail.ru.

Чабукяни Оксана Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0035-4469, e-mail: oksana_kartohina@mail.ru

Шепелёва Ольга Ринатовна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-4972-1527, e-mail: zaripova_or@mail.ru

About the authors

Mikhail YU. Pavlik, Dr. Sci (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2061-2525, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Oksana A. Chabukiani, Cand. Sci (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0035-4469, e-mail: oksana_kartohina@mail.ru

Olga R. Shepeleva, Cand. Sci (Law), Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0004-4972-1527, e-mail: zaripova_or@mail.ru

*Поступила в редакцию: 18.08.2023
Принята к публикации: 01.09.2023
Опубликована: 30.09.2023*

*Received: 18 August 2023
Accepted: 01 September 2023
Published: 30 September 2023*

Коррупция и преступность

В. Г. Павлов, М. Ю. Павлик, Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены криминологические и уголовно-правовые вопросы коррупции и ее связь с преступностью. Основное внимание уделено наиболее распространенным коррупционным преступлениям. Рассмотрена общественная опасность как самой коррупционной преступности, так и её взаимосвязи с другими преступлениями. Предложены меры по минимизации как коррупционной преступности, так и преступности в целом.

Ключевые слова: коррупция, преступление, взяточничество, уголовная ответственность, должностное лицо, подкуп.

Для цитирования: Павлов В. Г., Павлик М. Ю., Ромашов Р. А. Коррупция и преступность // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3 (73). – С. 108–125. DOI: 10.35231/18136230_2023_3_108. EDN: APNHSR

Corruption and Crime

Vladimir G. Pavlov, Michail Yu. Pavlik, Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article deals with criminological and criminal law issues of corruption and its connection with crime. The authors focus on the most common corruption crimes. The public danger of both corruption crime itself and in connection with other crimes is considered. The authors propose measures to minimize both corruption crime and crime in general.

Key words: corruption, crime, bribery, criminal liability, official.

For citation: Pavlov, G. V., Pavlik, M. Yu., Romashov, R. A. (2023) Korrupciya i prestupnost' [Corruption and Crime]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (73). Pp. 108–125. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_3_108. EDN: APNHSR

Введение

Коррупционная преступность как социальнегативное явление признано всеми странами. Она представляет серьезную угрозу государственным и общественным интересам отдельных граждан. Международным сообществом уделялось и уделяется совместное противодействие «торговле властью». Поэтому противодействие коррупционным проявлениям в Российской Федерации не является чем-то новым.

Рост коррупционных преступлений, особенно за последние годы, в нашей стране в значительной степени подрывает ее экономику и авторитет государственного аппарата. Кроме того, возникновение коррупционных отношений в обществе связано с тем, что отдельные должностные лица стремятся в своей деятельности незаконно обогатиться за счет взяточничества и хищений чужого имущества. Преследуя данные цели, коррупционеры часто взаимодействуют с лицами, ведущими криминальный образ жизни.

Сегодня необходимо признать тот факт, что коррупция тесно связана и с другими видами преступности. В том обществе, где высокий уровень коррупционной преступности, закономерно присутствует большой объем преступности в целом и прежде всего в сфере экономической деятельности. При этом каждое из преступных проявлений представляет собой, как правило, конкретное поведение, которое обусловлено социально-экономическими, политическими, нравственными и другими потребностями, интересами и задачами общества на определенных этапах его развития.

Результаты

Среди многочисленных социальнегативных явлений как самостоятельных видов девиантного поведения сле-

дует выделить группу отклонений, тесно связанных с преступностью. Помимо коррупции, к ним можно отнести проституцию, наркотизм, пьянство и т. п.

Если рассматривать причины этих негативных явлений, то они, на наш взгляд, носят социальный характер и коренятся, как правило, в реально существующих противоречиях экономической, идеологической, культурной и других областей, а также в проблемах и трудностях развития нашего общества. Следовательно, являясь разновидностью преступности, коррупция имеет причины общего характера, т. е. такие же, как и у других преступлений.

В качестве правовой основы борьбы с коррупцией в России сегодня выступает Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Под коррупцией в нем (ст. 1) понимается: злоупотребление служебными положением, дача взятки или получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, а также иное незаконное использование физическими лицами своего должностного положения вопреки интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, другого имущества, а также услуг имущественного характера для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами¹.

Коррупция – многогранное социальнегативное явление. Чаще всего коррупция имеет место при совершении каких-либо правонарушений, в частности, уголовных, административных, гражданско-правовых или дисциплинарных.

Поэтому российские граждане, иностранные граждане, а также лица без гражданства привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008 г., № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Таким образом, коррупция в широком смысле слова может иметь место и проявлять себя в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, например в экономике, финансовой деятельности, в работе правоприменительных органов, сфере культуры, образования, медицины и т. п.

Все это свидетельствует о большой общественной опасности коррупции как социальнегативного явления в современных условиях противодействия преступности в России.

Изложенное позволяет определить некоторые наиболее существенные особенности (признаки) коррупции:

- коррупция представляет собой социальнегативное явление как разновидность девиантного поведения;
- распространённость коррупции в различных сферах общества;
- тесная связь коррупции с преступностью;
- связь коррупции с административными и гражданско-правовыми правонарушениями;
- наибольшая распространённость коррупции при совершении должностных преступлений;
- корыстная заинтересованность при совершении правонарушений;
- при уголовной коррупции, как правило, имеет место взяточничество;
- коррупция тесно связана с другими социальнегативными явлениями (панством, наркотизмом, безработицей и др.);
- живучесть коррупции, связанная с историческими особенностями развития государства;
- коррупция имеет свойство приспосабливаться к изменяющимся процессам развития общества и государства.

Коррупция оказывает негативное явление не только на экономику, политику, социальную сферу, культурное

восприятие граждан, но и на различные структуры сообщества и граждан.

Как отмечает В. В. Лунеев, коррупция не сводится только к простому взяточничеству. Лоббизм, внесение взносов на политические цели, перевод бюджетных средств «нужным» коммерческим структурам, связь с преступными сообществами – это различные формы современной рыночной коррупции¹.

Если говорить о коррупции в узком смысле слова и ее связи с преступностью, то здесь речь идет о преступлениях, относенных УК РФ к коррупционным. При этом под уголовной коррупцией, главным образом, понимается взяточничество и другие преступления, связанные с подкупом, как правило, наделенных властью лиц.

Вместе с тем наиболее опасным и распространенным из рассматриваемых преступлений является взяточничество как проявление коррупции.

Такие преступления, как получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291) и посредничество во взяточничестве (ст. 291) УК РФ¹, относятся к взяточничеству. Причем взятка может выражаться не только в виде денежных средств. В п. 9 постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» отмечается, что предметом взяточничества (ст. 290, ст. 291 и ст. 291¹) УК РФ наряду с деньгами, ценными бумагами, а также имуществом могут быть незаконное оказание услуг имущественного характера и предоставление различных имущественных прав (в ред. от 3 декабря 2013 № 33 и от 24 декабря 2019 № 59)².

¹ Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Т. 2. Особенная часть. М.: Изд-во Юрайт, 2023. С. 469.

² Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. М.: Проспект, 2015. С. 362.

Однако если говорить о мелком взяточничестве (ст. 191 УК РФ)², которое было введено в действие Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации»¹, то, как справедливо отмечают в своей работе П. С. Яни и Д. В. Мирошниченко, законодатель, используя общий термин «взяточничество», как бы объединил в диспозиции части 1 ст. 191² УК РФ, получение взятки (ст. 290) УК РФ и дачу взятки (ст. 291) УК РФ, предусмотрев размер, который не превышает 10 000 рублей².

Таким образом, законодатель установил размер взятки, определяющий наличие в деянии рассматриваемого состава преступления.

При исследовании следственно-судебной практики выявлена наиболее тесная связь взяточничества с другими преступлениями. При этом присутствие взяточничества облегчает их совершение.

Особенность взяточничества здесь выражается в том, что в «криминальной схеме» присутствует должностное лицо, без которого, по сути, и не будет самой коррупции. Однако в случае получения взятки законодателем предусмотрен специальный субъект. Им является только должностное лицо.

Следует также отметить, что по-разному в специальной литературе оценивается законодательное закрепление освобождения от уголовной ответственности при взяточничестве, а в судебно-следственной практике это практически всегда вызывает определённые сложности. В этой связи, как отмечал Б. В. Волженкин, если лицо полагает, что он сво-

¹ О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации: федер. закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ // СЗ РФ 2016, № 27 (ч. 2), ст. 4257.

² Малинин В. Б. Энциклопедия уголовного права Т. 27. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. СПб., 2017. С. 1102.

ими действиями не совершает преступления, связанного с передачей взятки, то он не может быть привлечен к уголовной ответственности, даже если он ошибался [3, с. 260].

Введенное законодателем в российский уголовный закон в 2011 г. посредничество во взяточничестве (ст. 291 УК РФ) также имеет в следственно-судебной практике ряд вопросов. С объективной стороны посредничество во взяточничестве выражается в передаче взятки по поручению взяткодателя, а также взяткополучателя или ином способствовании взяткодателю и взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними.

При этом передаваться взятка может в различных формах, которые зависят от выбранной виновным взятки. Что же касается иного способствования взяточничеству, то оно требует своего уточнения. В своей работе В. И. Тюнин отмечает, что взяточничество может состоять в различных действиях, связанных с открытием счетов на имя взяткополучателей, с обеспечением безопасности передачи или получения взятки, с подбором места передачи взятки и др. [12, с. 22].

Субъектом совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291 УК РФ является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16 лет. В квалифицированных же составах может быть как общий, так и специальный субъект преступления, т. е. должностное лицо, наделенное дополнительными признаками.

В следственно-судебной практике имеют место проблемы при привлечении к уголовной ответственности за данное преступление. Так, например, В. Н. Борков отмечает, что в ст. 291 УК РФ законодатель предусмотрел возможность привлечения к ответственности и наказания близких должностного лица, которые участвовали в «криминальной схеме» по передаче взятки [2, с. 12].

По мнению Д. П. Горбатовича, лицо, которое обещало или предложило выступить посредником при совершении взяточничества, но в силу различных обстоятельств не смогло это сделать, должно быть привлечено по ч. 5 с. 291 УК РФ [6, с. 7]. На наш взгляд, утверждение спорное.

Коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ) также следует рассматривать как преступление, относящееся к взяточничеству.

С объективной стороны коммерческий подкуп, предусмотренный ч. 1 ст. 204 УК РФ, выражается в незаконной передаче лицу, которое выполняет управленческие функции в коммерческой или другой организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказании ему услуг имущественного характера, предоставлении иных имущественных прав за совершение действий (бездействий) в интересах дающего либо иных лиц, если указанные действия входят в служебные полномочия данного лица либо оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям.

Рассматриваемое преступление, как показало исследование теории и практики, довольно часто совершается в совокупности с другими преступлениями в сфере экономической деятельности, например банкротством и другими подобными общественно опасными деяниями.

К коррупционным преступлениям следует относить злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

В диспозиции ч. 1 ст. 285 УК РФ закреплены признаки объективной стороны, связанные с использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, и это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов

граждан либо организаций или охраняемых законом интересов общества либо государства.

Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ) наступает за совершение должностным лицом действий, которые явно выходят за пределы его полномочий и влекут существенное нарушение прав, а также законных интересов граждан либо организаций и охраняемых законных интересов общества или государства.

Превышение должностных полномочий обычно может выражаться в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей различных действий, которые относятся к полномочиям другого должностного лица.

Коррупционные преступления, связанные с нарушением должностных полномочий (ст. 285 и 286) УК РФ, причиняют большой вред гражданам, обществу и интересам Российской Федерации. Неслучайно в п. 1 постановления Пленума Верховного суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» (в ред. от 24.12.2019 г. и 11.06.2020 г.) вышестоящий суд указывает на то, что лица, злоупотребляющие должностными полномочиями и превышающие свои должностные полномочия, посягают на регламентированную деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных учреждений государственных компаний, корпораций, Вооруженных сил России, других войск и воинских формирований Российской Федерации¹.

Если говорить о разновидности коррупции в современной России, то она наиболее часто имеет место в сфере

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / сост. А. Г. Хлебушкин. 4-е издание. М.: Проспект, 2020. С. 171.

власти, управления в деятельности правоприменительных органов, в частности судебной системы, органов образования, здравоохранения, Вооруженных силах России и других сферах общества.

В этой связи, говоря о коррупции и преступности, следует согласиться с Я. И. Гилинским, который отмечает, что в современном российском обществе коррупция настолько распространена, что образует самостоятельный институт, способствующий управлять обществом и тесно связанный с другими институтами общества (политическими, экономическими, культурными) [4, с. 11].

При этом он несколько уточняет понятие коррупции, считая, что коррупция представляет собой не что иное, как способ получить деньги или другие ценности, пользуясь должностным положением [5, с. 80].

Вместе с тем при криминологическом психологическом исследовании личности преступника Ю. М. Антонян и В. Е. Эминов определяют коррупцию как социально-правовое явление, под которым обычно понимается продажность государственных чиновников либо должностных лиц, а также общественных и политических деятелей [1, с. 201].

По мнению П. А. Скобликова, данное социальное негативное явление образуется в результате «торговли властью» должностными лицами, а также лицами, наделенными управленческими функциями в коммерческих организациях. К коррупции П. А. Скобликов справедливо относит и подстрекательство к совершению таких деяний [11, с. 41].

Так, например, В. А. Номоконов утверждает, что коррупция – это «коммерциализация власти» [9, с. 62].

Большое количество рассматриваемых преступлений совершается также в сфере экономической деятельности, что наносит ущерб не только гражданам, но и обществу, государству в целом.

Необходимо отметить коррупционную деятельность чиновников, как правило, должностных лиц, наделенных властными полномочиями в различных сферах общества, которые руководствуются корыстной мотивацией, ставя свое материальное благополучие на первое место. Именно корыстная заинтересованность лежит в основе деятельности чиновников во всех сферах интересов общества и государства.

По мнению О. С. Капинуса, коррупционеры, как правило, преследуя корыстную цель, совершают различные деяния вопреки интересам службы. При этом всегда страдает авторитет ведомства, где эти должностные лица работали [7, с. 98].

Следовательно, любой вид коррупции в различных сферах общества представляет собой противозаконную деятельность должностных лиц, а также лиц, наделенных управленческими функциями в коммерческих организациях, выражающуюся в использовании этими лицами своих полномочий и служебного положения чаще всего из корыстной заинтересованности. Неслучайно коррупция является одной из наиболее сложных проблем в современной России и имеет глубокие корни, уходящие в прошлое нашей страны.

Таким образом, коррупция как социальнегативное явление имеет тесную связь с развитием современного российского общества. Особенно это явление опасно, когда совершаются преступления коррупционной направленности в совокупности с другими преступлениями. В свою очередь, определяя в отношении коррупционных преступлений как приоритетное направление противодействия им со стороны государства, грамотная правовая основа, заинтересованность всего нашего общества в этом позволят вести успешную борьбу с рассматриваемым видом преступности.

Вместе с тем с учетом научной и практической значимости, а также совершенствования российского уголовного законодательства кратко исследуем вопросы коррупции в некоторых зарубежных странах.

Например, уголовные законодательства стран европейской континентальной системы права (Франции, Италии, ФРГ) вопросам ответственности за коррупционные преступления придают важное значение.

Так, Уголовный кодекс Франции 1992 г. предусматривает различные виды должностных преступлений: взяточничество, злоупотребление властью, торговля влиянием, должностные злоупотребления. К достоинствам УК Франции, как отмечает Н. Е. Крылова, следует отнести статьи, предусматривающие наказание за самые различные виды корыстного злоупотребления властью со стороны должностных лиц [8, с. 117].

Что же касается уголовной ответственности должностных лиц по УК ФРГ, то к коррупционным преступлениям законодатель относит: получение и дачу взятки, злоупотребление властью, ложное засвидетельствование документов, злоупотребления при взимании вознаграждений и сборов и др. Вместе с тем УК Италии в гл. 1 «О преступлениях должностных лиц» предусматривает уголовную ответственность за присвоение, взяточничество, злоупотребление служебным положением, разглашение и использование секретов и др. [10; с. 9, 11, 44].

Уголовное законодательство зарубежных стран отличается друг от друга в части ответственности за коррупционные преступления. Это объясняется прежде всего различными историческими путями развития государств.

Если говорить об уголовной ответственности должностных лиц за преступления коррупционного характера в странах англосаксонской системы права, то они в основном представлены уголовным законодательством США

и Великобритании. В частности, в США ответственность должностных лиц регулируется как федеральным законодательством, так и уголовным законодательством штатов.

Так, в примерном Уголовном кодексе США (1962 г.) ответственность предусмотрели за самые разные должностные преступления, например за взяточничество (ст. 240.1), вознаграждение за осуществленное в прошлом поведение по должности (с. 240.3). При этом разд. 243 предусмотрено преступление «Злоупотребление по должности»¹.

По уголовному некодифицированному законодательству Великобритании, как правило, к преступлениям коррупционного характера, совершаемым должностными лицами, относятся: взяточничество, злоупотребление властью, нарушение доверия и обман, небрежность и другие общественно опасные деяния [10; с. 34–35].

В современных зарубежных государствах выработана определённая система по противодействию коррупции, которая имеет свои особенности. В данном случае речь идет о совершении коррупционных и других преступлений государственными служащими.

Как отмечает Т. Я. Хабриева, коррупция является многоплановой, она наделена особенностями и распространяется в государствах, имеющих неодинаковый уровень социально-экономического развития [13, с. 10].

При этом в отношении государственных служащих, в частности должностных лиц, совершающих преступления, в том числе и коррупционного характера, с их согласия на предложенные обязательства и ограничения им только в рабочее время, но и после него. Б. В. Волженкин в своей известной работе «Коррупция» отмечает, что в нормативных документах, которые регламентируют статус государственных служащих в США, Великобрита-

¹ Примерный уголовный кодекс США. М., 1969. С. 167, 169, 183.

нии, Франции, ФРГ и ряде других стран обязательства об ограничении поведения государственных служащих определены органами контроля¹.

Заключение

Таким образом, уголовно-правовой анализ коррупционных преступлений в законодательстве зарубежных стран позволяет использовать их положительный опыт борьбы с коррупцией в России.

Вместе с тем, когда речь идет о противодействии коррупции в современной России, необходимо со стороны государства активизировать эту политику на всех уровнях предупреждения коррупции.

С учетом существующих современных реалий и совершенствованием уголовного законодательства необходимо продолжить изучение и исследование данного социальнегативного явления. При этом следует внести в УК РФ, в конструкцию составов, охватываемых понятием «взяточничество», и другие нормы, предусматривающие ответственность за коррупционные преступления, соответствующие изменения.

В этой связи, как свидетельствует следственно-судебная практика и проведенное нами исследование, подавляющее большинство коррупционеров пытается избежать уголовного наказания в виде конфискации имущества, приобретенного преступным путем.

В сложившейся ситуации следует уже давно в законодательном порядке решать вопрос о возрасте конфискации имущества в систему уголовных наказаний. Одним из оснований для применения данного вида наказания должно стать совершение, наряду с другими обществен-

¹ Волженкин Б. В. Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. С. 17–18.

но опасными деяниями, коррупционного преступления из корыстных побуждений.

Список литературы

1. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 368 с.
2. Борков В. Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 9–14. EDN: NYGVPP
3. Волженкин Б. В. Служебные преступления: монография. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
4. Гилинский Я. И. Коррупция: взгляд криминолога // Уголовное право России: состояние и перспективы (коррупционные преступления). Всероссийская научно-практическая конференция. Санкт-Петербург, 29 октября 2015 г. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – С. 10–13.
5. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология) монография. – СПб.: Алетея, 2021. – 136 с. EDN: JDGQKV
6. Горбатович Д. П. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 4–8. EDN: OIKVTR
7. Капинус О. С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1. – С. 95–101. EDN: YSHOQX
8. Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции: монография. – М.: Спарк, 1996. – 123 с.
9. Номоконов В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 61–67. EDN: ROCZFL
10. Решетников Ф. М. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах: монография. – М., 1994. – 128 с.
11. Скобликов П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России: монография. – М.: Норма: Инфра, 2021. – 272 с.
12. Тюнин В. И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291 УК РФ) // Российская юстиция. – 2011. – № 8. – С. 21–23.
13. Хабриева Т. Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.

References

1. Antonyan, Yu. M., Eminov, V. E. (2010) *Lichnost prestupnika. Kriminologicheskoe issledovanie* [The identity of the criminal. Criminological research]. Moscow: Norma: Infrma. (In Russian).
2. Borkov, V. N. (2011) *Novaya redaktsiya norm ob otvetstvennosti za vzyatochnichestvo: problemy primeneniya* [New edition of the norms on responsibility for

bribery: problems of application]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*. No. 4. Pp. 9–14. EDN: NYGVPP (In Russian).

3. Volzhenkin, B. V. (2000) *Sluzhebnyye prestupleniya. Monografiya* [Official crimes. Monograph]. Moscow: Yurist. (In Russian).

4. Gilinskii, Ya. I. (2016) *Korruptsiya: vzglyad kriminologa [Corruption: a criminologist's view]. Ugolovnoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy (korruptsiionnye prestupleniya)* [Criminal law of Russia: state and prospects (corruption crimes)]. Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg October 29, 2015. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Pp. 10–13. (In Russian).

5. Gilinskii, Ya. I. (2021) *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya) monografiya* [Criminology of postmodern (neocriminology) monograph]. St. Petersburg: izd-vo "Aleteiya". EDN: JDCQKV (In Russian).

6. Gorbatovich, D. P. (2011) *Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: preobrazovannyi vid posobnichestva* [Mediation in bribery: a transformed kind of complicity]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*. No. 5. Pp. 4–8. EDN: OIKVTR (In Russian).

7. Kapinus, O. S. (2018) *Kriminologicheskoe issledovanie lichnosti korruptsiionnogo prestupnika* [Criminological investigation of the personality of a corrupt criminal]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 1. Pp. 95–101. EDN: YSHQX (In Russian).

8. Krylova, N. E. (1996) *Osnovnyye cherty novogo ugolovnogo kodeksa Frantsii. Monografiya* [The main features of the new Criminal Code of France. Monograph]. (In Russian).

9. Nomokonov, V. A. (2013) *Korruptsiya v Rossii: sotsialnye posledstviya i osobennosti prichin* [Corruption in Russia: social consequences and features of causes]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava – Actual problems of economics and law*. No. 4. Pp. 61–67. EDN: ROCZFL (In Russian).

10. Reshetnikov, F. M. (1994) *Otvetstvennost za dolzhnostnyye prestupleniya v zarubezhnykh stranakh. Monografiya* [Responsibility for official crimes in foreign countries. Monograph]. Moscow. (In Russian).

11. Skoblikov, P. A. (2021) *Aktualnye problemy borby s korruptsiei i organizovanoi prestupnostyu v sovremennoi Rossii. Monografiya* [Actual problems of the fight against corruption and organized crime in modern Russia. Monograph]. Moscow: Norma: Infra. (In Russian).

12. Tyunin, V. I. (2011) *Posrednichestvo vo vzyatochnichestve (st. 291i UK RF) [Mediation in bribery (Article 291i of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Rossiiskaya yustitsiya – Russian Jurisprudence*. No. 8. Pp. 21–23. (In Russian).

13. Khabrieva, T. Ya. (2012) *Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeistvie. Monografiya* [Corruption: nature, manifestations, counteraction. Monograph]. Moscow: Izd-vo "Yurisprudentsiya". (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
40/30/30 %

Об авторах

Павлов Владимир Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovvladimir45@mail.ru

Павлик Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2061-2525, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the authors

Vladimir G. Pavlov, Dr. Sci (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1282-1850, e-mail: pavlovvladimir45@mail.ru

Mikhail Yu. Pavlik, Dr. Sci (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2061-2525, e-mail: pavlik-mu@mail.ru

Roman A. Romashov, Dr. Sci (Law), Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

*Поступила в редакцию: 18.08.2023
Принята к публикации: 01.09.2023
Опубликована: 30.09.2023*

*Received: 18 August 2023
Accepted: 01 September 2023
Published: 30 September 2023*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (73)
2023

Редакторы **С. К. Довбышенко, Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 1899

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru